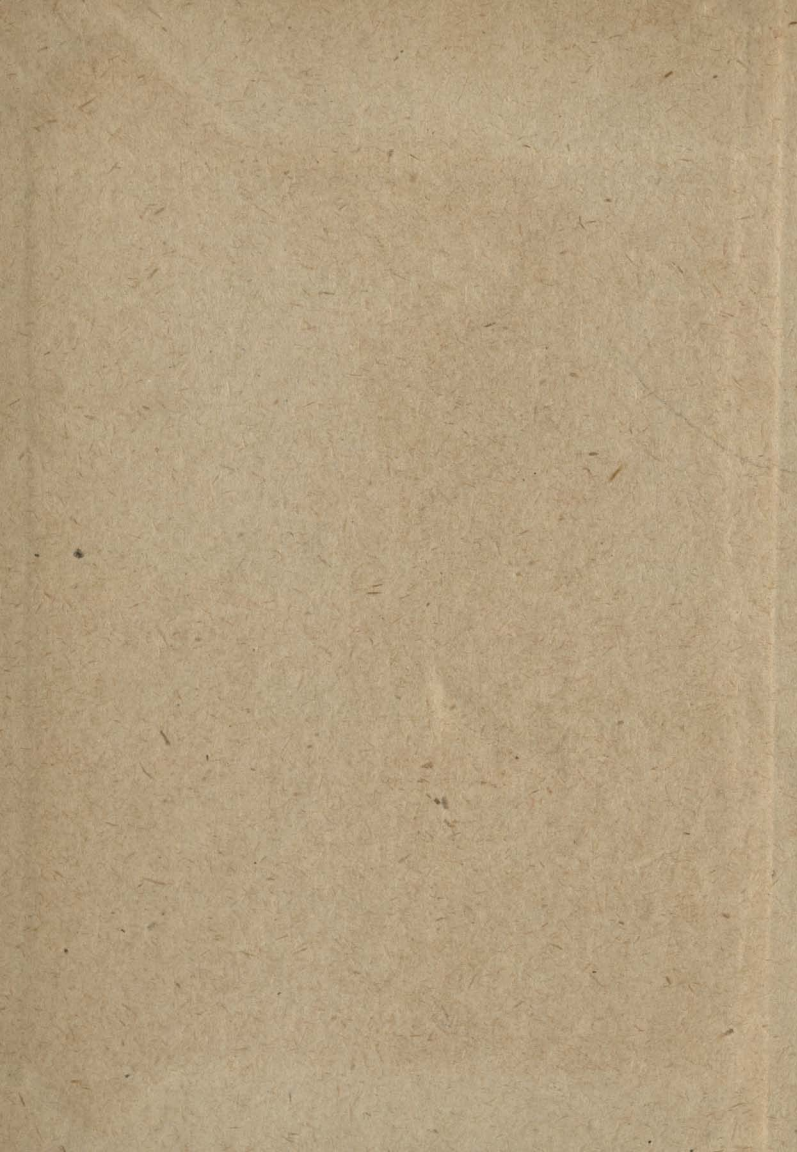

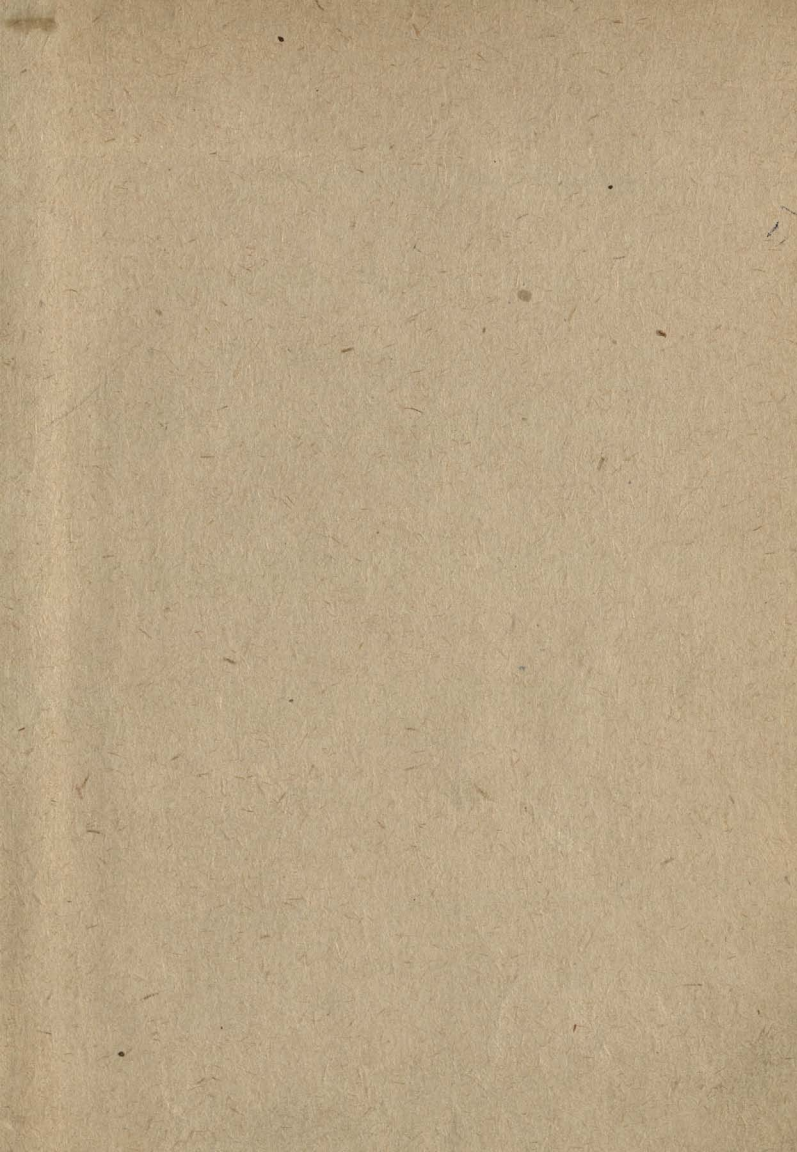
БАЛМОНТ

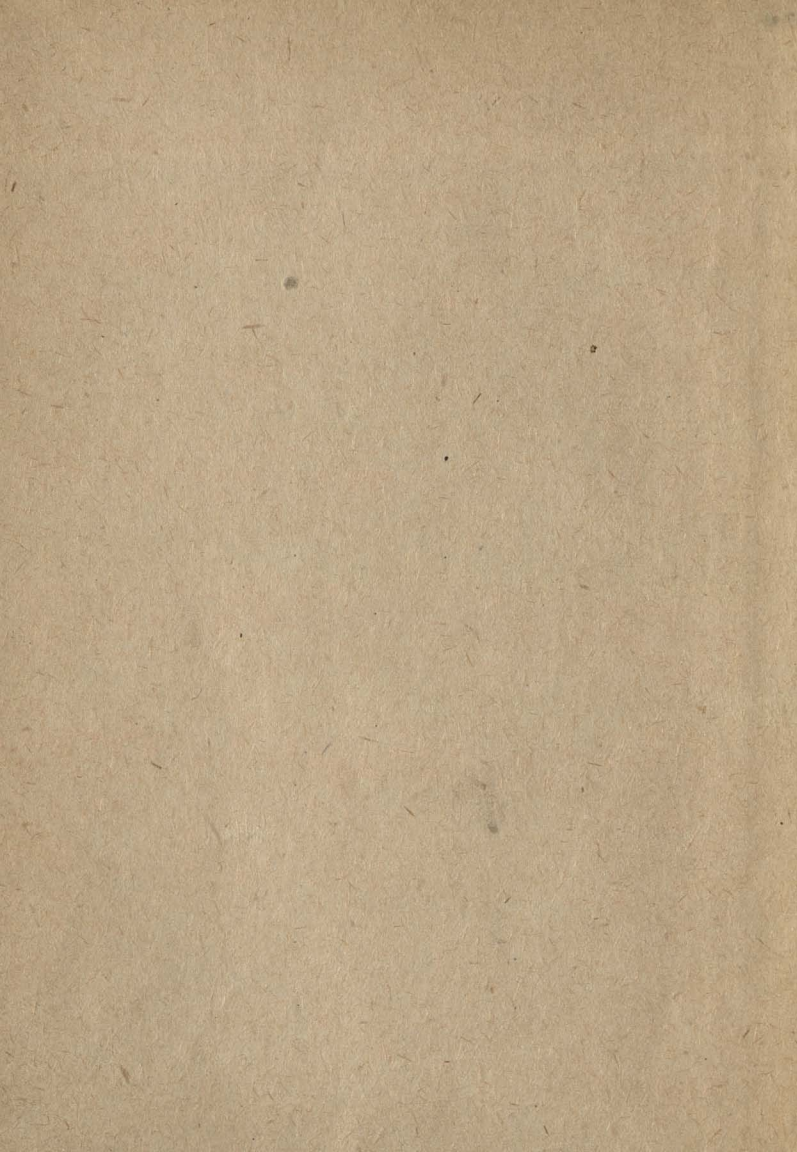
ЯСЕНЬ

М

1925
189

M 194
189

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

ЯСЕНЬ.
ВИДѢНІЕ ДРЕВА.

МОСКВА.
Издательство К. Ф. Некрасова.

920
5

ROYAL CANADIAN MOUNTED POLICE

RECEIVED

BRITISH COLUMBIA

BRITISH COLUMBIA
ROYAL CANADIAN MOUNTED POLICE

На отвѣтъ

M 194
189

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

801-84
6301-2

ЯСЕНЬ.

ВИДѢНІЕ ДРЕВА.

МОСКВА.

Издательство К. Ф. Некрасова.

MCMXVI.

pp. 33-8063

2012402975

ЗАВѢТЪ

Какъ яши томать жорна Израиломъ,

По всенъ глупо всенъ этъ бѣдѣтѣ цѣлѣ,

Какъ дѣлѣ глѣтѣ нѣтъ-звонкѣтѣ жорна.

Но свѣтѣ мѣтѣ дѣлѣ лѣдѣннѣтѣ мѣтѣ,

И-бутъ свѣтѣннѣтѣ прѣдѣлѣннѣтѣ рѣтѣ,

Есть-оннѣтѣ мѣтѣ.

Ибо я зачарую мое сердце, и помѣщу
его на вершинѣ Древа въ цвѣткѣ.

Египетская сказка о двухъ братьяхъ.

Какъ-оннѣтѣ мѣтѣ.

Ночнѣтѣ мѣтѣ, мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ.

Мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ, мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ.

Какъ-оннѣтѣ мѣтѣ, мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ,

И-бутъ-оннѣтѣ мѣтѣ, мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ,

Тѣмъ-бутъ-оннѣтѣ мѣтѣ, мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ.

Дѣлѣ-оннѣтѣ мѣтѣ, мѣтѣ-оннѣтѣ мѣтѣ.

НАВѢКЪ.

Какъ мыши точать корни Игдразила,
Но ясень вѣчно ясень въ безднѣ дней,—
Какъ дымъ течетъ изъ звонкаго кадила,

Но счета нѣтъ для ладанныхъ огней,
И чуть священникъ приподниметъ руку,
Есть оиміамъ, и есть мольба тѣней,—

Какъ въ мірѣ вслѣдъ чуть дрогнувшему звуку
Помчался вихрь, и вотъ ужъ вѣченъ громъ,
И дѣдъ передаетъ свѣрѣли внуку,—

Какъ въ камнѣ скаль есть звонкій водоемъ,
И будетъ пѣть, копя ключи для жажды,
Такъ буду пѣть о царствіи твоёмъ,—

Любовь, что я узналъ во снѣ однажды.

СОЛНЦЕЗЕРНЬ.

Когда я жилъ еще на Солнцѣ,
Зерно средь зеренъ,
И духъ былъ въ свѣтломъ волоконцѣ,
Никто не черенъ,—
Когда одни златыя зерна
Себя качали,
И было все огнеузорно,
Нигдѣ печали,—
Когда Земля была намекомъ,
Луна видѣнъемъ,
Когда въ кипѣнни златоокомъ
Все было пѣнъемъ,—
Я между зеренъ былъ сильнѣе
Въ игрѣ зернистой,
И потому люблю я, рдѣя,
Мой пламень чистый.

Когда Луна была Землею,
Безъ раздѣленья,
Когда Земля была съ Сестрою
Одно видѣнье,—

Когда въ могучихъ выдыханьяхъ
Растенья-звѣри
Тянули щупальца въ дрожаньяхъ,
Страшась потери, —
Когда на вѣтровыхъ мальстрѣмахъ,
Горѣнемъ дики,
Въ пловучихъ пламеняхъ-хоромахъ
Сквозили лики, —
Я межъ сновидцевъ былъ свѣтлѣе,
Какъ образъ жгучій,
Вотъ почему люблю я, млѣя,
Мой стихъ пѣвучій.
Когда Луна, простясь съ Землею,
Какъ Мѣсяць мѣдный,
Ушла въ просторъ своей стезею,
И стала блѣдной, —
Когда, въ Сестрѣ увидя Брата,
Она, тоскуя,
Постигла счастье возврата
И поцѣлуя, —
Когда въ любви, что такъ красива,
Узнали души,
Что нѣтъ блаженства безъ надрыва,
Волны безъ суши, —
Я межъ Земныхъ и Земно-Лунныхъ
Пронзенъ былъ свѣтомъ,

И долженъ я въ видѣньяхъ струнныхъ
Пребыть поэтомъ.
Когда зловѣщею воронкой
Спустились духи
Туда, гдѣ гаснетъ пламень тонкій,
Нѣтъ звона въ слухъ,—
Когда, причудливы и хмуры,
Взросли гиганты,
Младенцеликіе Лемуры,
Огне-Атланты,—
Когда драконились узоры
Сребристой черни,
И были пламенными взоры
Отъ солнцезерни,—
Когда восторгъ сердцежь былъ страшень,
Любилъ я въ гнѣвѣ,
Вотъ почему, лишенный башень,
Я весь въ напѣвѣ.

ЧАСЪ И ДОМЪ.

Мнѣ нуженъ часъ, мнѣ нуженъ домъ,
Чтобъ мыслить міръ, что живъ кругомъ.
Мнѣ нужно время и пространство,
Чтобы соткать ему убранство.
Мнѣ нуженъ домъ, мнѣ нуженъ часъ,
Чтобы затѣять свой рассказъ.

Какъ зыбкій домъ я выбралъ Море,
Плыву въ крутящемся просторѣ.
Какъ часъ назначилъ Полночь я,
Когда ломается струя.
Велѣлъ, пьяня міры игрою,
Быть свѣтомъ тьмѣ, быть свѣту тьмою.

Построивъ стройность пирамидъ,
Я зналъ, что часъ ихъ раздробить.
Раскинувъ желтыя пустыни,
Я знаю, день забрезжитъ синій.
И быстрый всадникъ на конѣ,
Летя къ себѣ, летитъ ко мнѣ.

Два войска—въ двойственномъ пожарѣ,
Но мной—въ одномъ они угарѣ.
Я рознь одна въ тѣхъ двухъ враждахъ,
Я смѣлость ихъ, и я ихъ страхъ.
И я на тихомъ полѣ брани
Луна въ колдующемъ туманѣ.

Какъ гусеница ѣстъ листокъ,
Но животворенъ мотылекъ,
Я змѣй шипящій и грызущій,
И кондоръ Солнца, змѣя быющій,
Я благовонная пыльца,
Да свѣтитъ ландышъ безъ конца.

ЗВѢЗДНАЯ ПЛЯСКА.

1.

Баю-баю-баю-баю.

Я слышу пѣсенку родную.

Все горе мысли затаю.

Всю боль сознанья зачарую.

Я въ безднѣ звѣздъ узналъ мою.

Нашель въ ней арфу золотую.

Баю-баю-баю-баю.

2.

Пламень тонкій

Я воронкой

Передамъ.

Я мелькаю,

Возникаю,

Здѣсь и тамъ.

Я пьянящій,

Веселящій

Метеоръ.

Вѣря раю,

Я играю,

Зыблю хоръ.

Много было
Огнекрыло,
Млѣла мгла.
Много было,
Что могила
Вновь взяла.

Много будетъ,
Кто забудеть
Свой исходъ.
Мчись, мгновенье,
Черезъ пѣнье,
Въ хороводъ.

Въ вихрѣ счастья,
Сладострастья,
Крайній часъ.
Въ межъ-планетныхъ
Снахъ несмѣтныхъ
Мой рассказъ.

Въ мигъ сладимый
Я незримый
Проскользну.
Я качаю,
Расцвѣчаю,
Жгу весну.

Радость глазу,
Я алмазу
Пламень дамъ.
Врину въ льдины
Я рубины
Здѣсь и тамъ,

Въ сумракъ красный
Духъ согласный
Мчитъ зарю.
Надъ мірами
Я громами
Говорю.

Ходомъ молній,
Въ жаркомъ чолнѣ
Проплыву.
Часъ веселья,
Сонъ и хмѣль я
Наяву.

Я ребенокъ,
Смѣхъ мой звонокъ,
Цвѣтъ мой аль.
Ты ли, ты ли
Этой были
Не узналъ?

3.

Солнце вспыхнуло. Подобень лучъ мечу.
На лихомъ конѣ лечу, лечу, лечу.

Степь звенящая. И нѣтъ нигдѣ станицъ.
Птиць ли хочется? Какъ много въ мірѣ птицъ.

Звѣрь ли яростный безстрашнаго зоветъ?
Мчи скорѣй къ нему. Впередъ, впередъ, впередъ.

Конь мой огненный. Нѣтъ равнаго ему.
Онъ промчалъ меня сквозь бархатную тьму.

Видить за сто версть. Ушами сторожить.
И какъ жизнь сама, бѣжитъ, бѣжитъ, бѣжитъ.

Конь мой знающій. Узда его звѣзда.
Не споткнется, не падеть онъ никогда.

Я куда съ конемъ? Хоть знаю, умолчу.
Степь извѣдать всю хочу, хочу, хочу.

4.

Ахъ, какъ длинны эти тѣни. Тѣ косыя. Тѣ кривыя. Безъ
конца.

Были длинны. Все длиннѣе. Все темнѣе. Не размотришь
ихъ лица.

Солнце было. Грѣло жаромъ. Краснымъ шаромъ закати-
лось тамъ вдали.

Все-ль изжито? Звонъ подковы. Стукъ копыта. Путь
далекій. Путь въ пыли.
Ахъ, какъ воетъ этотъ вѣтеръ. Пыль наносить. Пылью
кружить. Пыль мететь.
Сколько ихъ, песчинокъ малыхъ. Сосчитать ли? Разгадать
ли? Жуткій счетъ.
Ѣду. Ѣду. Кто я? Что я? Гдѣ я? Сплю я? Взоръ мой
ищетъ по степямъ.
Изнутри себя я вижу. И не знаю, здѣсь ли я или вонъ
тамъ.
Странный свистъ несется сверху. Сонмы малыхъ. Еле
зримыхъ смутный бѣгъ.
Шелестъ. Шопоть. Окаймленье. Паутина. Зовъ. Покровъ.
Постель. Ночлегъ.
Гдѣ я? Что я? Конь мой бѣлый. Самъ я въ снѣгѣ. Ахъ,
не все ли мнѣ равно?
Я въ безбрежномъ. Я въ бездонномъ. Въ озаренномъ.
Засыпаю. Утопаю. Тише. Дно.

5.

Многосозвенную змѣю

Созвѣздя дружныя сковали.

Изъ грани въ грань по Бытію.

Какія легкія вуали

Струять въ вѣкахъ свою струю.

Какъ звѣзды дышутъ безъ печали

Баю-баю-баю-баю.

МЕДЬ ВЪКОВЪ.

Сперва я увидалъ, что мѣръ есть пѣснопѣнье,

И я, дрожа, его пропѣлъ.

Потомъ я нараспѣвъ сказалъ стихотворенье,

То былъ вторичный мой предѣлъ.

Потомъ я начерталъ на камнѣ заклинанье,

Перстообразный взнесъ алтарь.

И круглую Луну впустилъ въ ограду зданья,

Я былъ пѣвецъ, колдунъ, и царь.

Теперь, когда прошли ряды тысячелѣтій,

И завершился кругъ племень,

Я помню эти дни, когда всѣ были дѣти,

Какъ ясно помнишь яркій сонъ.

Отъ вкрадчивой Луны ушелъ къ инымъ я чарамъ,

Лѣсной я измѣнилъ Лунѣ.

И былъ какъ во хмѣлю, пьянясь цвѣтнымъ пожаромъ,

И было Солнце богомъ мнѣ.

И тамъ, гдѣ взметы горъ, гдѣ кондоръ верхолетный,

И тамъ, гдѣ желтый сонъ пустынь,

Сынъ Солнца, медь въковъ я накопилъ несчетный,

Боговъ вѣнчая и богинь.

Еще смѣнился рядъ побѣдныхъ ликованій,
И, отойдя отъ Пирамидъ,
Давно плыветъ мой умъ въ колдующемъ туманѣ,
Вновь факель ночи мнѣ горитъ.
Но не Луна, свѣча и блѣдная лампада,
Надъ ветхимъ саваномъ страницъ,
Меня ведутъ туда, откуда силой взгляда
Я вызываю сонмы лицъ.
Алхимикъ пыльныхъ рудъ, восторгъ пресуществленья
Изъ древнихъ выманилъ я строкъ,
Я молніи велѣлъ придти изъ усыпленья,
И въ тяжкій плугъ ее запрегъ.
Летаю коршуномъ, взлетаю альбатросомъ,
Предвижу ходъ и нравъ кометъ,
И къ луннымъ, наконецъ, хочу взлетѣть откосамъ,
Всѣ руны разобравъ примѣтъ.

ЗАКОНЪ СВѢТИЛЬ.

Законъ свѣтиль есть пляска постоянства,
Но есть звѣзда, которая летитъ
Не въ правилѣ размѣченныхъ орбитъ,
Внѣ чисель, съ пражей строгаго убранства.

Отъ Солнца къ Солнцу путь черезъ пространство,
Взнесеніе размѣрныхъ пирамидъ
Сложениемъ спокойно взятыхъ плитъ,
Но есть угадка вкось, чей смыслъ шаманство.

Смотри въ лѣсу, какъ спутаны слѣды
Съ людскимъ умомъ враждующаго волка,
Какъ конская завита Лѣшимъ чолка.

Колдуй въ ночахъ надъ люлькою воды,
Да на коврахъ волшебная иголка
Зазыбитъ лунный храмъ, сплотившій льды.

ОТЪ СОЛНЦА КЪ СОЛНЦУ.

Отъ Солнца къ Солнцу—пламень умягченный,
Ночная лютня сновъ звѣзды къ звѣздѣ,—
Я чую соотвѣтствія вездѣ,
Я, цвѣтъ Земли, въ расцвѣтъ Небесъ влюбленный.

Я вѣчно упадаю въ Духъ бездонный,
Всѣмъ гнетомъ тѣла, въ невѣсомость, гдѣ
Тѣнь череды уступить чередѣ,
И будетъ тишь—какъ колокольъ всезвонный.

Я долженъ долгій путь пройти сполна.
Не для меня ли Демоны качали
Живую люльку вымысловъ и сна?

За пеленой сомлѣеть пелена.
Какъ хорошо мнѣ въ лунной здѣсь печали,
Душа-невѣста снѣгомъ убрана.

ИМЕНА.

Есть волшебство вещей и ихъ именъ,
Есть буквенное, нѣтъ, лишь звуковое
Гаданіе въ преджизненномъ покоѣ,
Что, угадавшись, выявило сонъ.

Есть въ бѣдныхъ селахъ колокольный звонъ,
Есть яростность въ ликующемъ гобоѣ,
Ихъ слушаешь, и хочешь слушать вдвое,
Затѣмъ, что въ нихъ угаданъ небосклонъ.

Отъ пламеней вселенскаго пожара
До первыхъ капель кроткаго огня,
Что влагой сталь, дождемъ упаль, звеня,—

Въ сознаньи звуковая зрѣла чара,
Колодецъ угаданія, безъ дна.
Такъ всколосились въ мірѣ имена.

ТАЙНА.

Среди древнѣйшихъ землеописаній
Забытъ одинъ могучій Океанъ,
Межь тѣмъ какъ самый яркій въ немъ обманъ,
И самый нѣжный свѣтъ, какъ въ зыбкой ткани.

Безумна водокруть его рыданій,
Звѣнящей мглы пьянительный кальянъ
Въ вѣкахъ тоски Землѣ отъ Неба данъ,
И звѣздный смыслъ сквозить въ священной дани.

Единое изъ всѣхъ земныхъ морей,
Гдѣ можно пить. И пьемъ мы ненасытно.
Вселенная глядитъ въ него. И слитно

Съ бездонностью, нашъ разумъ, какъ ручей,
Ліясь изъ тайнъ, втекаетъ въ Тайну, льется.
Тотъ Океанъ здѣсь Музыкой зовется.

КАНУНЪ.

Что лучше въ мечтѣ многозвонной,

Чѣмъ полный надежды канунъ?

Смычокъ, чуть коснувшійся струнъ.

Любовь въ предудыбкѣ влюбленной.

Нашъ духъ въ несвершенностяхъ юнъ.

Что лучше, чѣмъ цвѣтикъ оврага,

Цвѣтущій на млѣньи снѣговъ?

Рожденье, въ камняхъ, родниковъ.

Плѣнительна пряная брага,

Во здравіе юныхъ боговъ.

Что лучше родныхъ навечерій,

Съ мерцаніемъ ласковыхъ свѣчъ?

Возславимъ завѣты предтечъ.

Раскроемъ для счастья всѣ двери.

Кто ждетъ,—и дождется онъ встрѣчъ.

НАРУЧНИ.

Качаюсь. Качаясь, качаю.

Тихонько и вѣрно точу.

Скольжу по оконному краю.

Въ душѣ возжигаю свѣчу.

Прочтя заклинанье въ алмазѣ,

По острому острымъ черчу.

Вселенная—въ видящемъ глазѣ.

Вселенная будетъ моя.

Сотрутся желѣзные вязи.

Вѣтровъ заиграетъ струя.

Сорвется оконная рама.

Въ утонченныхъ наручняхъ я.

Въ тюрьмѣ. И въ преддверіи храма.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО.

Я дошелъ до звенящаго дерева,
Тамъ вѣтви слагались въ храмъ.
Благовонное алое марево,
Огонь и жертва богамъ.
Я стоялъ у поющаго дерева,
Быль братъ я шмелямъ и жукамъ.
И съ пчелой устремлялся я въ зарево,
Быль пономарь мотылькамъ.
Я стихами,
И мечтою,
Молодою,
Имъ звонилъ.
Подъ вѣтвями,
Межъ цвѣтами,
Быль въ томъ храмѣ
Звонъ кадилъ.
Я съ Весною,
Какъ струною,
Къ свѣту, къ зною
Говорилъ.
Были взоры,
Разговоры,
Были хоры

Нѣжныхъ силъ.
Я съ осою
Полосою
Нижнихъ воздухѣвъ летѣлъ.
Я смѣялся,
Расцвѣчался,
Забавлялся,
Какъ хотѣлъ.

Вотъ съ пчелою отягченной
Въ улей сонный я лечу,
Въ улей звонный, отдаленный,
Держимъ путь мы по лучу.
Вотъ и бронзовка, съ крылами
Какъ златистый изумрудъ,
Зеленѣя надъ цвѣтами,
Потонула въ гулкомъ храмѣ,
Радость въ пѣснѣ, Солнце съ нами,
Здравствуй, бронзовка, я тутъ.

И въ этихъ чашахъ,
И въ этихъ кущахъ,
Вѣтвей поющихъ,
И пчелъ звенящихъ,
Въ благоуханьи,
И въ озареньи,
Въ оцѣпенѣньи,
И расцвѣтаньи,

Упившись медомъ,
Первичнымъ млекою,
Я съ вешнимъ годомъ,
Нечеловѣкомъ, —
Нечеловѣкомъ,
По тайнымъ всходамъ,
Лечу и рѣю,
И разумѣю,
Мечтой моею
Всхожу къ порогамъ
Иного сада,
Иного лада,
Иного строя,
Гдѣ заодно я
Съ Всесильнымъ Богомъ,
Мы Вѣчность мѣримъ
Весенней птицей,
Веселымъ звѣремъ,
Ихъ вереницей,
Лучомъ, зарницей, —
Средь сновъ текущихъ,
Съ пчелой летящей
Сквозистой чащей
Вѣтвей цвѣтущихъ,
Я въ райскихъ куцахъ,
Въ Веснѣ манящей
Я стихъ звенящій.

ЗВѢРЬ-ЦВѢТОКЪ.

Ведя какъ бы расплавленнымъ металломъ,
Хочу въ стихѣ я вывести узоръ.
Есть звѣрь-цвѣтокъ, зовущійся коралломъ.

Цвѣтокъ съ цвѣткомъ, поетъ безгласный хоръ.
Они растутъ согласными чертами,
Слагая титанической соборъ.

На кратерѣ потопшемъ, чередами,
Въ столѣтіяхъ свою свивая цѣпь,
Восходятъ звѣри мѣрными рядами.

Ихъ мысль, и хотѣ, и сонъ, и явь, и лѣнь
Сцѣпляются. Ихъ бѣлые скелеты
Лазурь волны преображаютъ въ степь.

Въ лагунахъ изумрудомъ млѣютъ свѣты.
Еще усилъе тысячи цвѣтковъ,
И островъ всталъ, коралломъ Солнцу спѣтый.

Твердыня встала круглыхъ островковъ,
Въ ихъ кругѣ тишь зеркальная лагуны,
Псаломъ, звѣрями вылѣпленныхъ, словъ.

А Океанъ кругомъ рождаетъ струны,
Бросая волны сонмами лавинъ.
Изваянъ перстень, вложены въ немъ руны.

Въ моряхъ міровъ ходъ творчества единъ.

Я ИГРАЮ БЕРЕГАМИ.

Я играю берегами,
Рыбакомъ идя по нимъ,
Обсуждаю съ облаками,
Пламень глянетъ ли сквозь дымъ.

И когда, какъ ночи, тучи
Вдоль драконячь свой объемъ,
Голосъ облака могучій
Я включаю въ слово—Громъ

Увидавъ, какъ въ бѣгѣ пьяномъ
Пляшутъ синіе валы,
Глубь я назвалъ—Океаномъ,
И морямъ пою хвалы.

Мѣсяць съ Солнцемъ—я вѣнчаю,
Мѣсяць долженъ быть женатъ,
Безъ жены я самъ скучаю,
И всегда обняться радъ.

Слыша шелестъ межъ листьями,
Видя въ вѣтрѣ шаткій листь,

Шелестящими устами
Я сложилъ свой первый свистъ.

А за первымъ миллионный
Страхъ возникъ, любовь, восторгъ,
Я во впадинѣ уклонной,
Въ горлѣ, воздухъ словъ исторгъ.

Вѣтры, птицы, травы, звѣри
Были-бъ только тѣнью сна,
Если-бъ имъ, въ различной мѣрѣ,
Не пропѣлъ я имена.

Въ пляскѣ мысли вѣря играмъ,
Всѣмъ звѣрямъ веду я счетъ,
Тигръ скажу, и вотъ я съ тигромъ,
Молвлю слонъ, и слонъ идетъ.

Въ мигахъ звукомъ мѣръ угаданъ,
Нить дана золотая мнѣ,
Вьется, курится, какъ ладанъ,
А клубокъ—въ другой странѣ.

ЛАРЕЦЪ.

Сквозь черную сѣтку стволонъ и вѣтвей,
И рѣдкое кружево листьевъ зеленыхъ,
Я вижу, какъ сѣрый поетъ соловей,
И вижу я пѣсню въ чуть зримыхъ уклонахъ.

Всѣмъ тѣломъ въ напѣвъ—какъ изваянь, какъ влить,
Приподнялъ головку флейтистъ затаенный,
То шире, то уже онъ горломъ свиститъ,
Ручьятся журчанья свирѣли влюбленной.

Онъ странно мнѣ близокъ, угадчикъ-пѣвецъ,
Я помню столѣтій минувшихъ апрѣли,
Близъ птицы въ себѣ ощутилъ я ларецъ,
Въ волшебномъ сокровища звуковъ звенѣли.

Широкое А, и глубокое У,
И смутное М, вмѣстѣ съ Л во влюблени,
Сливались,—тебѣ закричалъ я „Ау!“
И мы цѣловались, узнавъ себя въ пѣни.

НЪМОЙ УРАГАНЪ.

Въ рукахъ Математика—вихри, онъ можетъ разлить ихъ
вѣ циклонъ,
И вдругъ, еле видимымъ знакомъ, смиряетъ разнуздан-
ность онъ,
Пожаръ числовой размѣщаетъ, качаетъ нѣмой ураганъ,
И звѣзды въ бездонности слышать, что путь имъ въ
размѣрности—данъ.

ВѢТВИ.

Дендриты, вѣтви, древовиды,
Идутъ, за ликомъ ликъ лоя,
Отъ подземельнаго червя
До чарованія Изиды.

Вѣтвятся руки и ростокъ,
Крестообразно мірозданье,
Пылинки, чарой сочетанья,
Мы сложимъ въ каменный потокъ.

Нагромоздимъ любовь, обиды,
Слова, поэмы, царства, сны,
Тысячелѣтья тишины,
Въ тѣни Закатной Пирамиды.

ВОДОВОРОТЪ.

Люблю чуть зримыхъ малыхъ тварей
Линейно-прихотливый видъ.
Геометризмъ радіолярій
О вихрѣ солнць мнѣ говоритъ.

Рѣснички хищныхъ инфузорій,
Проворныхъ жгутиковъ игра,
Мнѣ говорятъ о звѣздномъ хорѣ,
И что любить всегда пора.

А жукъ-олень, то въ праздникъ юный,
Средь полчищъ малыхъ, мастодонтъ.
И вотъ, я чувствую, какъ струны
Черезъ весь проходятъ горизонтъ.

И запоздавшему столѣтью,
Его предчувствуя въ тоскѣ,
Черчу разказъ я, тонкой сѣтью,
На мастодонтовомъ клыкѣ.

КОЛДУЮЩИЙ.

Зеленый свѣтъ неявственно мелькалъ,
Когда въ лѣсу стоялъ я въ грезѣ сонной.—
На вѣткѣ, съ вѣткой въ млѣни созвонный,
Тотъ изумрудъ вдругъ становился аль.

Чуть зримый пламень вкось перебѣгалъ,—
Какъ бы драконъ, стократно уменьшенный,
Лиловѣлъ,—извивался позлащенный,—
Быль сѣрымъ, какъ крысиный отсвѣтъ скалъ.

Я посмотрѣлъ своимъ дремотнымъ взоромъ
Внимательный,—быль вновь зеленымъ онъ,
Колдующій, какъ звѣрь живущій, сонъ.

Горѣлъ опять оранжевымъ уборомъ.
Такъ въ первый разъ,—напѣвъ согласный съ хоромъ,—
На древѣ мнѣ предсталъ хамелеонъ.

КРАСОТА.

Красота—это радостный возгласъ Природы,
Красота—это тихій восторгъ Вещества.
Въ изобиліи разлитыя вешнія воды,
Переходы скалы, что несчетные годы
Говорять безглагольные руны-слова.
И въ пещеру взойдешъ лишь на краткость мгновенья,
Но такъ явственно знаешь—пещера жива,
Вотъ къ звену зазмѣилися новыя звенья,
Помолчишь, поглядишь, надвигается пѣнье,
Загораются мысли, колеблясь едва.
Отъ пещеры къ душѣ проскользнетъ откровенье,
И молчаніе скалъ отчеканишь въ слова.

ЛИНІЯ ПРИРОДЫ.

Какъ лется линія Природы,
Прямою или кривизной?
Взгляни на горъ гранитныхъ своды,
Склонись надъ зыбкою волной,—
Поймешь, что линія Природы
Должна капризь извѣдать свой.

А если есть еще сомнѣнье,
Что нужно волю дать мечтѣ,
Слѣди, какъ птичекъ лется пѣнье,
Какъ ходятъ громы въ высотѣ,—
Молніеносно убѣжденье,
Змѣиный ходъ ведетъ къ метѣ.

МОЛЧАНІЕ.

Молчанье выдѣляется—изъ сосенъ ночныхъ,
И въ грезѣ отражается—какъ спѣтый стихъ.
То чье стихотвореніе—въ дремотѣ ночной?
Не вѣдаю—но пѣніе межъ вѣтками и мной.

Подъ Солнцемъ ослѣпительнымъ—въ жужжаньи пчель
И въ пѣньи птицъ плѣнительномъ—я звуки къ числамъ
свелъ.

Но было то играніе—не такъ, какъ сейчасъ,
Сейчасъ поеть молчаніе и мой глядящій глазъ.

Безгласно тѣни тянутся—отъ сучьевъ сосны,
Но взоры не обманутся—въ нихъ звонъ струны.
И глазъ ласкаетъ взорами—всю музыку вѣтвей,
А сверху вгорятъ хорами—планеты мглы моей.

МОРЯНИНЪ.

ВЪРНЫМЪ ПУТЕМЪ.

Путемъ соотвѣтствій,
До плѣнительныхъ слѣдствій,
Изъ дробящихся чисель могучій изводъ,—
Я рѣю рядами,
Прохожу чередами,
Довожу до свиданья вселенскихъ свободъ.

ЧЕТЫРЕЛИКІЙ.

Духъ и воля это вѣтеръ, что свистить въ крылахъ орла.
Духъ съ высотъ причинно вѣть. Вѣчность есть и жизнь
была.

Страсть и сила это лики льва и жаркаго быка.
Ярки розы красной крови. Сила голоса громка.

Духъ крылатый, львиноотѣлый, быкогрудый Сфинксъ твер-
дить:—
„Знаешь тайну? Помнишь Вѣчность? Знаешь тайну Пи-
рамидъ?“

И не знаю, что, я знаю, иль не знаю тайну я.
Но во мнѣ есть духъ орлиный, и тверда душа моя.

И не знаю, что, я помню, иль не помню смыслы плить.
Но какъ Аписъ, гордый Аписъ, весь мой духъ огнемъ
горить.

ЗВѢРИНОЕ ЧИСЛО.

Да не смутитъ несвѣдущихъ сегодня,
То, что имъ было вѣдомо вчера.
Не праздная въ моихъ словахъ игра,
И каждый звѣрь есть стихъ и мысль Господня.

Я тѣхъ люблю среди звѣрей земли,
Тѣ существа старинныя, которымъ
Довѣрено священнымъ договоромъ,
Чтобы они какъ вѣстники пришли.

Межъ птицъ мнѣ дорогъ Одиновскій воронъ,
Его воспѣлъ сильнѣйшій въ знаньи чаръ,
Среди земныхъ болидъ небесъ, Эдгаръ,
Въ вѣкахъ тоски рунической узоръ онъ.

Мнѣ дорогъ Нильскій демонъ, крокодилъ,
Которому молилась Египтянка,
Желанна мнѣ Яванская свѣтлянка,
Мнѣ дорогъ путь отъ мошки до свѣтиль.

Нашъ соловей, какъ рыцарь, слить съ Луною,
Съ Венеры прилетѣла къ намъ пчела,
Змѣя изъ Преисподней приползла,
Быль посланъ съ вѣтвью мира голубь къ Ною.

И кить былъ нуженъ въ повѣсти земной,
Ликъ Вѣчности являетъ черепаха.
Моя душа—внимательная пряжа,
Кто въ пражу словъ проникъ, тотъ мудръ со мной.

ОТЪ ПРЕДѢЛЬНОСТИ.

Заколдованная воля въ вещество вошла.
Тяжела людская доля—быть въ цѣпяхъ Добра и Зла.
Зачарованная сила завлеклась собой
Все, что будетъ, все, что было, сказка Глуби Голубой.
Мы опять измѣнимъ лики, спрятавъ сѣдину.
Наши замыслы велики, мы должны встрѣчать Весну.
Разрушая изваянья, мы ваяемъ вновь.
Ты, въ которой все—сіянье, брачный день свой приготовь.
Мы опять увидимъ степи тамъ, гдѣ города.
Разрушая наши цѣпи, мы поемъ: „Живи, Звѣзда.“
Мы въ степяхъ, гдѣ день погашень, возведемъ шалашъ.
Мы опять съ безмѣрныхъ башенъ возгласимъ, что праздни-
никъ—нашъ.

Тяжела людская доля—камни громоздить.
Нѣтъ, легка. Свѣтла неволя, если разумъ крутитъ нить.
Черезъ столѣтья пробуждая самъ себя въ вѣкахъ,
Вижу я рожденье Мая въ первозданныхъ лепесткахъ.
Здѣсь я помню, хоть неясно, что дышаль я—Тамъ.
О, тебя, что такъ прекрасна, никому я не отдамъ.
Здѣсь стою я на порогѣ, вѣря въ звѣздный счетъ.
Говорять, что сказка Боги. Вонъ, я вижу ихъ полеть.

СКАЗКА МѢСЯЦА И СОЛНЦА.

Юноша Мѣсяць и Дѣвушка Солнце знаютъ всю длительность міра,
Помнятъ, что было безвѣтріе въ щели, въ царство глухого Имира.
Въ ночи божжизненно-злого Имира былъ Дымосводь, мглистый домъ,
Былъ Искросвѣтъ, противъ Сѣвера къ Югу, весь распаленный огнемъ.
Щель была острая возлѣ простора холода, льдовъ, и мятели,
Противъ которыхъ, въ багряныхъ узорахъ, капли пожара кипѣли.
Выдыхи снѣга, несомые вьюгой, мчались до щели пустой,
Рдяные вскипы, лизнувши тѣ хлопья, пали, въ капли, водой.
Такъ изъ касанія пламени съ влагой вышли всѣ разности міра,
Юноша Мѣсяць и Дѣвушка Солнце помнятъ рожденье Имира.

Капля за каплей сложили огромность больше всѣхъ горъ
и долинъ,
Легъ надъ провальной щелью тяжелый льдовъ и снѣ-
говъ исполинъ.
Не было Моря, ни травъ, ни песчинокъ, все было мерт-
вой пустыней,
Лишь бѣлоснѣжная диво-корова фыркала, нюхая иней.
Стала лизать она иней соленый, всюду былъ снѣгъ ши-
роко,
Вымя надулось, рѣкой четверною въ мѣръ потекло молоко.
Пиль, упивался Имиръ неподвижный, росъ отъ обиль-
наго пира,
Послѣ, изъ всѣхъ его членовъ разъятыхъ, выросли об-
ласти мѣра.
Диво-корова лизала снѣжинки, соль ледовитую горъ,
Въ снѣгъ означились первые люди, Бурэ и сынъ его
Бръ.
Дѣти красиваго Бора убили злого снѣговъ исполина,
Кости Имира остались какъ горы, плоть его стала рав-
нина.
Мозгъ его тучи, и кровь его Море, черепъ его небо-
сводъ,
Брови угрознаго стали Мидгардомъ, это Срединный
Оплоть.

Прежде все было безтравно, безводно, не было звѣря,
ни птицы,
Раньше безъ тропокъ толкались, бродили спутанно звѣздъ
вереницы.
Дѣти же Бора, что стали богами, Одинъ, и Виле, и Ве,
Звѣздамъ велѣли, сплетаясь въ узоры, лить серебро по
травѣ.

Радуга стала Дрожащей Дорогой для проходящихъ по
выси,
Въ чашахъ явились медвѣди и волки и остроглазья рыси.
Ясень съ осиною, дрожа, обнимались, листъ лепеталъ до
листа,
Одинъ велѣлъ имъ быть мужемъ съ женою, первая
встала чета.

Корни свои чрезъ міры простирая, высится стволъ Игд-
разила,
Люди какъ листья, увянуть, и снова сочная тѣшится сила.
Быстрая бѣлка мелькаетъ по вѣткамъ, сновъ паутинится
нить,
Юноша Мѣсяцъ и Дѣвушка Солнце знаютъ, какъ любо
любить.

СНѢГОВЫЯ РУНЫ.

Эти грузныя стропила Скандинавскаго мышленья,
Замороженныя глыбы дико вытянутыхъ льдинъ,
Воздвигаютъ храмъ нестройный, гдѣ лишь бури слышно
пѣнье,
Гдѣ лишь вѣтеръ, снѣжный вѣтеръ, вѣтеръ царствуетъ
одинъ.

Такъ ли? Такъ ли? Тотъ, кто видѣлъ, какъ крутится надъ
снѣгами
Изворотливая вьюга на предвѣчномъ берегу,
Онъ усмотритъ окомъ сердца, что полярными вѣтрами
Руны полныя догадки начертились на снѣгу.

СНѢЖНЫЕ БОГИ.

Я вижу ихъ въ сумеркахъ утреннихъ,
Суровыхъ боговъ Скандинавіи,
Въ дыханіи воздуха зимняго
Всѣ ѣдутъ они на коняхъ.
Вонъ конь Двоебыстрый, весь въ яблокахъ,
Вонъ конь Златоверхій, весь въ золотѣ,
Конь Грузный, копыто туманное,
Конь Вихрь, легконогій размахъ.
Двѣнадцать коней огнедышащихъ,
У всѣхъ имена означительны,
Конь Блескъ между яркихъ блистателенъ,
Острійный межъ скорыми скоръ.
У каждаго бога есть пламенникъ,
Скаунъ, не знакомый съ усталостью,
Лишь Бальдера конь весь былъ пламенемъ,
Лишь пѣшимъ громовникъ былъ Торъ.

Куда они ѣдутъ могучіе?
Куда устремляются строгіе?
Что манить къ себѣ ослѣпительныхъ,
Огнемъ удвояя ихъ блескъ?
Кто скажетъ? Но льдины ломаются,
Утесы гремятъ перекличками,
Пещеры откликнулись звонами,
Въ деревьяхъ послышался трескъ.

Три корня у Древа всемірнаго,
Одинъ до Боговъ устремляется,
Другой къ Исполинамъ драконится,
А третій идетъ въ Дымосводъ.
Подъ третьимъ змѣиная ямина,
Оттуда родникъ пробивается,
Тамъ влажная мудрость качается,
Кипитъ и горитъ и течетъ.

Кто этой воды прикасается,
Тотъ молодъ и мигъ и столѣтіе,
Онъ бросится свѣжимъ въ сраженіе,
Онъ любитъ все въ первой любви.
Самъ Одинъ такъ жаждалъ той мудрости,
Что отдалъ свой глазъ за глотокъ ея,
Двѣнадцать боговъ устремительныхъ
Желають омыться въ крови.

САГИ.

Скандинавскія саги, желѣзныя саги,
Вы обрызганы пѣной шумящихъ морей,
И мерцають въ васъ слезы, и капли той влаги,
Что горѣньями красными мучить людей,
Пробѣгая въ ихъ жилахъ скорѣй, все скорѣй,
Навѣвая имъ жажду открытій сокровищъ,
Прогоняя ихъ вдаль отъ родимыхъ домовъ,
Научая сердца не бояться чудовищъ,
Подучая ихъ жечь всякій домъ, каждый кровь,
Говоря имъ, что нѣтъ имъ иного закона,
Чѣмъ движенье волны, устремленье вѣтровъ,
И качанье ладьи, рокового дракона,---
Черный дубъ, что позналъ остріе топоровъ,---
Сага Эйрика, сага Сигурда, Ніяля,
Бормотаніе Норнъ, черезъ клетоты въ рѣчь,
Кругозвучность морей, что ликуеть, печалая,
Предрѣшенный пожаръ, и рѣшающій мечъ.

САГА.

1.

Черту змѣиной елиня чертой,
Течеть ручей, чья чудотворна влага.
Въ немъ боги пьютъ. Въ немъ мудрость и отвага.
Огонь, вѣнчанный съ свѣжею водой.

Напитокъ вдохновенный и святой,
Изъ нѣдръ земли исторгнутая брага.
На берегу сидить и грезить Сага,
Пьеть съ Однимъ изъ чаши золотой.

Ручей втекаетъ въ пѣнистое Море,
Туда плыветъ, весь вырѣзной, драконъ,
Корабль-костерь, въ лазоревомъ просторѣ.

Тамъ мертвый Бальдеръ. Умеръ, умеръ онъ.
И волны вторятъ въ долгомъ разговорѣ:—
Богъ Солнца, Бальдеръ, будетъ возроденъ.

2.

Она сидить, задумавшись глубоко,
 Сестра богинь, чей даръ священный—рѣчь.
 Съ ней рядомъ Одинъ. Опершись на мечъ,
 Вперяетъ въ даль единственное око.

Дремотна Сага. Всѣ рѣшенья Рока
 Ей вѣдомы. Исходъ и ходъ всѣхъ сѣчь.
 Весь обиходъ людей, разлукъ и встрѣчь,
 Все бережетъ она въ размѣрахъ срока.

Изъ пряжи сновъ нѣмую нить продливъ,
 Завяжетъ въ страшномъ узелокъ изъ дремы.
 Сплететъ изъ словъ высокія хоромы.

Взираетъ Одинъ строгъ и молчаливъ.
 И вдругъ съ плаща въ рассказъ уронитъ громы,
 Чтобъ былъ конецъ и грозенъ и красивъ.

ЛѢТОПИСЬ ЛИСТЬЕВЪ.

Когда на медленныхъ качеляхъ
Мѣняли звѣзды свой узоръ,
И тихимъ шопотомъ, въ мятеляхъ,
Вели снѣжинки разговоръ,—
Когда отъ сѣверныхъ сіяній
Гиганты Ночи не могли
Заснуть, и ежились въ туманѣ,
Во льдистой колющей пыли,—
Когда хрустѣніемъ сердитымъ
Перекликались по вѣкамъ,
Надъ Океаномъ ледовитымъ
Материки къ материкамъ,—
Когда въ чертахъ тупыхъ и острыхъ
Установились берега,
Возникъ священный полуостровъ,
Гдѣ вѣщи до сихъ поръ снѣга,
До нынѣ зимы тамъ упорны,
Но нѣжны помыслы весны,
И до сихъ поръ колдуютъ Норны,
Въ часъ ворожащей тишины.

Когда, еще безъ счета, ночи
 Не отмѣчались тамъ никѣмъ,
И не былъ слышенъ смѣхъ сорочій,
 И лѣсъ безъ пѣвчихъ птицъ былъ нѣмъ,—
Когда въ молчаніи Природы
 Та пытка чувствовалась тамъ,
Что въ тѣсный мигъ вѣщаетъ роды,
 Ведетъ по узкимъ воротамъ,—
Осина, въ блѣдности невольной,
 Вдругъ вспѣла шаткою листвою,
И перепѣвомъ, крѣпкоствольный,
 Отбросилъ ясенъ шопоть свой.
О чемъ два дерева шептали,
 Какая гайна въ нихъ была,
Лишь знаетъ Солнце въ синей дали,
 Лишь помнитъ Мѣсячная мгла.
Но ясенъ мужемъ сталъ могучимъ,
 Осина нѣжною женою.
А въ тотъ же часъ, по чернымъ тучамъ,
 Гроза летѣла вышиной.

И разорвашіеся громы,
 И переклички всѣхъ вѣтровъ,
Молніеносные изломы,
 Ниспали въ емкость голосовъ.
Они возникли отовсюду,
 Изъ яминъ, впадинъ, и пещеръ,

Давая ходъ и волю гуду,
Мѣняя звуковой размѣръ.
Все было вскрытые льда, дрожанье,
Вся разорвалась тишина,
Отъ комариного жужжанья
До рева яраго слона.
А ясный мужь смотрѣль, любуясь,
На синеглазую жену,
Еще не зная, не цѣлуясь,
Но, весь весна, любя весну.
И былъ въ ихъ душахъ перешопоть,
И ошупь млѣющихъ огней,
Какъ будто самый дальній топоть
Въ вѣка умчавшихся коней.

ПРОЗРѢНЬЕ.

Бездонно Небо, но бездонна
Вдвойнѣ—бездонная душа.
Всего достигну непреклонно,
Познавъ, что Вѣчность хороша.
Свивая въ виить свои мгновенья,
Дамъ ходъ живому кораблю.
Весь міръ вберу въ мое прозрѣнье,
Затѣмъ что весь я міръ люблю.

УТРО ЗЕМЛИ.

Мнѣ нравится Утро Земли во всей красотѣ безобразій.

Въ немъ глыба до глыбы ползеть. Завопилъ, полюбивъ, мастодонтъ.

Сто верстъ для мазурки громовъ. Чимборасо для сказокъ въ алмазъ.

И ящеры въ семь этажей. И вездѣ безъ людей горизонтъ.

ВЪ БЫЛОЕ ВРЕМЯ.

Въ былое время я жилъ богато,
Ходило Солнце вокругъ меня,
И отъ восхода вплоть до заката
Лишь мнѣ струило токъ огня.
Планеты въ небѣ свивали тропы
Не въ празднолюбіи пустомъ,
А чтобы могъ я знать гороскопы,
И въ мірѣ вѣрнымъ шелъ путемъ.
Въ былое время и со звѣрями
Имѣлъ я краткій разговоръ,
Скажу „Придите“,—и шли стадами,
Какой тутъ могъ быть съ ними споръ.
Они же сами вѣдь разумѣли,
Что имена пропѣлъ имъ я,
Что левъ быть долженъ лишь въ львиномъ тѣлѣ,
А разъ змѣя, такъ ты змѣя.

И если въ лапѣ прорѣзь занозы
Иной злосчастный чуялъ левъ,
Ко мнѣ смиренный, и чуждъ угрозы,
Онъ шель, какъ овцы ходятъ въ хлѣвъ.
Игралъ я въ войны,—и шли кометы,
Я былъ подвижникъ, брошенъ лукъ,—
И былъ какъ столпъ я, весь въ мохъ одѣтый,
Гнѣздился дроздъ въ ладоняхъ рукъ.
Въ былое время я весь былъ въ Богѣ,
Былъ длань, и мечъ, и тишь, и страсть,
А нынѣ вѣчно лишь на порогѣ,
Чего-то въ чемъ-то только часть.

ТОТЪ ПРЕДОКЪ.

Тотъ предокъ былъ такой же, какъ гиббонъ,
Но не гиббонъ, а братъ гиббона сводный,
Средь обезьянъ властитель благородный,
Взлюбившій въ вѣткахъ тихій листозвонъ.

Къ вѣтрамъ любилъ прислушиваться онъ,
Къ журчанью птицъ, къ игрѣ волны свободной,
Во всемъ искалъ онъ цѣпи звуковъ, сходной
Съ тѣмъ, что ему привидѣлось какъ сонъ.

Онъ первый поднѣлъ голову высоко,
И безпричинно такъ ее держалъ,
Вверху былъ кругъ, великъ, лучистъ, и аль.

Какъ исполина огненное око.
Онъ вдругъ запѣлъ, себя пугаясь самъ.
Такъ звукъ Земли раскрылся Небесамъ.

РУКА.

Благословляю обезьянью руку,
Хоть страшны мнѣ движенія ея,
Затѣмъ что, вдохновеніе свое
Забывъ, она утратила науку.

Среди древнѣйшихъ полуобезьянъ
Былъ нѣкто ставшій получеловѣкомъ.
Звѣрьми онъ сопричисленъ былъ къ калѣкамъ,
Не могъ онъ ползать и прямилъ свой станъ.

Отъ предка ли я отрекаться буду,
Пусть былъ четырехрукъ онъ и мохнатъ?
Рука есть воплощенный въ оцупь взглядъ,
Рука есть мостъ къ свершенію и чуду.

Къ отѣнкамъ чувства приурочивъ звукъ,
Онъ ключъ нашелъ для полнозвучной гаммы.
Его должны включить въ великій храмъ мы,
Да молится дѣянью предка внукъ.

Благословимъ тотъ ликъ, тотъ мозгъ, ту руку,
Она схватила молнію въ вѣкахъ.
А послѣ, бога чувствуя въ рукахъ,
Потомокъ подарилъ циклоны звуку.

ЗАКАТНАЯ ПИРАМИДА

Улетѣли священные ибисы,
Не алѣютъ озера фламингами,
Пронеслись Австрайлійскіе лебеди,
Апокалипсисъ птицѣй свершень.
И не скажутъ о Духѣ намъ голуби,
Не расскажутъ намъ дѣтскаго ласточки,
Только гдѣ-то поютъ пересмѣшники,
Перепѣвъ, перезвукъ, перезвонъ.

Не восходятъ надъ Ниломъ папирусы,
Не привѣтствуютъ Горуса лотосы,
Только пепельно-черные ирисы,
Расширяютъ испуганный глазъ.
Да кровавятся тѣни закатныя,
Расцвѣчаютъ Пустыню вечернюю,
И о Сфинксѣ, когда-то вѣщательномъ,
На пескахъ вышиваютъ разсказъ.

АЛЫЙ ИЗУМРУДЪ.

Птичка алый изумрудъ
Распѣваетъ, да не тутъ,
Не надъ нашими полями,
А за теплыми морями.
Почему ее зовутъ
Птичка алый изумрудъ?
Вся она—какъ листь зеленый,
Голосъ—ангельскіе звоны.
Вся зеленая она,
А на грудкѣ два пятна,
Въ честь востока и заката
Два зажженные граната.
Легкокрылая она,
Запоетъ, дрожить струна,
Точно лунный духъ печальный
Въ церкви молится хрустальной.
Если алый изумрудъ
Люди въ клѣтку закуютъ,
Вмигъ погаснетъ безъ возврата,
Нѣтъ листка и нѣтъ граната.

СОЛНЕЧНИКЪ.

Есть солнечникъ-колибри. Птичка эта
Въ свое гнѣздо вплетаетъ красный мохъ.
Въ Бразиліи, въ странѣ цвѣтовъ и свѣта,
Она жужжитъ, и любитъ птичку Богъ.
Подъ самкою яички ярко-красны,
Самецъ летитъ, какъ брошенный рубинъ.
Такъ межъ собой во всемъ они согласны,
Какъ будто міръ есть красный цвѣтъ одинъ.
Всего охотнѣй въ алый часъ заката
Они жужжатъ, касаясь лепестковъ,
И вѣнчиковъ, гдѣ ладанъ аромата
Исходитъ изъ цвѣточныхъ огоньковъ.
Когда же кровь колибри, кровь живая,
Ему споетъ, что крайній часъ насталь,
Взлетаетъ къ Солнцу птичка, догорая,
И въ этотъ день закатъ особо аль.

ТИИ-ВИТЬ.

Эта птичка-невеличка,
По прозванью тii-вить,
Точно быстрая рѣсничка,
И мелькаетъ и глядитъ.
„Тii-вить“ и „Тii-вити“,
Клювикъ дрогнуль, клювикъ сжать.
На короткой тонкой нити
Двѣ-три бусинки дрожать.

Эта птичка-невеличка,
Съ ней навѣрно ты знакомъ,
У нея горѣть привычка
Алымъ малымъ огонькомъ.

Въ дни, когда все было внови,
Жизнь была какъ чудо чудъ,
У нея три капли крови
Расцвѣли и все цвѣтуть.

Эта птичка знаетъ чары,
Промелькнувъ огнемъ въ кустъ,
Въ небѣ выманить пожары,
Вызвать громы въ высотъ.

Чуть раздастся троекратно
„Тіи-вити, тіи-вить“,
Вѣтры встанутъ всеохватно,
Туча съ молніей летить.

И, склонивъ головку влѣво,
Смотритъ птичка тіи-вить,
Какъ подъ звукъ ея напѣва
Дождь идетъ, и громъ гремитъ.

МИГЪ БЛАГОВѢСТІЯ.

Я куколка. Я гусеница.

Я бабочка. Не то. Не то.

Одно лицо, и разны лица.

Я три лица, и я никто.

Я точка. Нить. Черта. Яичко.

Я сѣмечко. Я мысль. Зерно.

Въ живой душѣ всегда привычка

Въ вѣкахъ вертѣть веретено.

Я дѣтка малая. Смотрите.

Зеленоватый червячокъ.

Мой часъ пришелъ. Скрутитесь, нити.

Дремать я буду должный срокъ.

Меня не трогайте. Мнѣ больно,

Когда до люльки червяка,

При видѣ искуса, невольню,

Коснется чуждая рука.

Какъ малый маятникъ, я вправо
И влѣво выражу, что сплю.
Не троньте. Сонъ мой не забава,
Но я подобень кораблю.

Я храмъ. Въ мой самый скрытый ярусъ
Ударилъ вѣрный лучъ тепла.
Корабль, дрожа, раскрылъ свой парусъ.
Весна красна. Весна пришла.

Крыло есть признакъ властелина.
Былъ житнетворческимъ мой сонъ.
Я око синее павлина,
Я желтокрылый махаонъ.

Будя полетомъ воздухъ чистый,
И поникая надъ цвѣткомъ,
Цѣлую вѣнчикъ золотистый
Я задрожавшимъ хоботкомъ.

Мигъ благовѣстія. Зарница,
Животворящая цвѣтокъ.
Не куколка. Не гусеница.
Я бабочка. Я мотылекъ.

ЦАРЬ-ТРАВА.

Чтобъ съ Царь-Травы взять чѣмъ она богата,
И тайное въ ней воспріять добро,
Ее повинень пронимать сквозь злато,
Иль въ кругъ досягнуть сквозь серебро.

Ту Царь-Траву не всякъ, кто ищетъ, всгрѣтитъ,
А кто ее нечаянно найдетъ,
Какъ бы березку тонкую замѣтитъ,
Вдругъ нѣтъ ея, и гдѣ, ищи хоть годъ.

Но, если довелось тебѣ, случайно,
Вплотную къ стройной стати подойти
Поймешь, что есть здѣсь огненная тайна
И златомъ кругъ съ проворствомъ очерти.

Иль серебромъ. Въ немъ Мѣсяць. Солнце въ златѣ.
Коснись травы, дыханье затая.
Коснешься въ ней глубинной благодати.
Твои—цвѣты, коль Царь-Трава твоя.

КРАСА ЦВѢТКА.

Краса цвѣтка нерукодѣльная,
Весь цвѣтъ свой Богу отдаетъ,
И для пчелы, какъ чаша цѣльная,
Хранить въ себѣ душистый медъ.

Среди смарагдовъ, что качаются
Полдненнымъ Солнцемъ горяча,
Въ лугахъ, гдѣ мысль и мысль встрѣчаются,
Горитъ цвѣточная свѣча.

Когда же Ночь подходитъ черная,
И звѣзды высыпять, спѣша,
Имъ ладанъ льетъ нерукотворная
Себя отдавшая душа.

ОТРАЖЕНІЕ.

Нѣмой затонъ задумался, безъ дна,
Хоть можетъ быть есть гдѣ-то дно, глубоко.
Молва его зоветъ Морское Око,
Моря ушли, но память ихъ вѣрна.

Въ томъ озерѣ морская тишина,
Изысканная греза одинока.
Такъ въ мірѣ захотѣла прихоть Рока,
Хрустальная безгласна пелена.

Съ высотъ въ затонъ глядится Мѣсяць сонный,
Отобренный ликъ преображенъ;
Колдунъ безумныхъ, вѣщихъ, дѣвъ, и женъ.

Прядутъ мгновенья въ тишинѣ всезвонной,
Дѣйствительность и тканый воздухъ сна,
Прекрасенъ разумъ, въ зеркало влюбленный.

САДЪ.

Въ начальныхъ дняхъ сирень родного сада,
Съ жужжаніемъ вокругъ нея жуковъ,
Шмелей, и ось, и яркихъ мотыльковъ,
Есть цѣлый міръ, есть звѣздная громада.

Увита въ хмѣль садовая ограда,
Жасминъ исполненъ лунныхъ огоньковъ,
А лѣто съ пересвѣтомъ свѣтляковъ
Какъ служба ночью въ храмахъ Китежъ-Града.

Онъ нашимъ былъ, весь этотъ дружный ладъ
Сплетеній, пѣній, красокъ, очертаній,
Гдѣ былъ пѣвучъ и самый звукъ рыданій.

Въ хрустальной глуби музыка усладъ,
Ушла въ затонъ созвенность стройныхъ зданій,
Но счастливъ тотъ, кто въ дѣтствѣ видѣлъ садъ.

МЕДЪ.

Мнѣ нравились веселыя качели,
Пчела, съ цвѣтка летящая къ цвѣткамъ,
Весенній смѣхъ и плясъ и шумъ и гамъ,
Хмѣль Солнца и созвѣздій въ юномъ тѣлѣ.

Но чаши, золотѣя, порѣдѣли.
Мнѣ нравится молчащій гулко храмъ,
А въ музыкѣ, бѣгущей по струнамъ,
Глубокіе тона віолончели.

Какъ много убѣдительности въ томъ,
Чтò говорятъ играющія струны:—
Не юноши, а мы съ тобой здѣсь юны.

Свирѣль журчитъ, слабѣя, за холмомъ,
А къ намъ идутъ колдующія луны,
И медъ густой есть въ ульѣ вѣковомъ.

САРАСВАТИ.

На перьяхъ многокрасочныхъ павлина,
Святого Брамъ мудрая жена,
Сидить,—въ рукѣ у Сарасвати вина,
На винѣ свѣтитъ каждая струна.

Еще стоитъ на лотосѣ она,
Всей Индіи священная картина,
Глаза миндалевидные безъ дна,
Цвѣтокъ мечты, въ немъ пламень сердцевина.

Богиня пляски, музыки, и словъ,
Что ткуть стихи въ словесномъ поцѣлуѣ,
Медвяный гимнъ изъ міровыхъ основъ.

Съ ней, краснопѣвной, міръ нашъ вѣчно новъ.
Звени, струна, шепчитесь, вихри, струи,
Въ многосіянии радужныхъ тоновъ.

ПѢНІЕ.

Я былъ надъ Гангомъ. Только что завѣса
Ночныхъ тѣней, алѣя, порвалась.
Блеснули снова башни Бенареса.

На небѣ возсіялъ всемірный Глазь.
И снова, въ сотый разъ,—о, въ миллионный,—
День началъ къ ночи длительный рассказъ.

Я проходилъ въ толпѣ, какъ призракъ сонный,
Узорной восхищаясь пестротой,
Игрой всего, созвенной и созвонной.

Вдругъ я застылъ. Надъ самою водой,
Ликъ блѣдный обратя въ слезахъ къ Востоку,
Убогій, вдохновенный, молодой,—

Возникъ слѣпецъ. Онъ огненному Оку
Слагалъ, склоняясь, громкіе псалмы,
Изъ словъ цвѣтныхъ сплетая поволоку.

Потокъ огня, взорвавшійся изъ тьмы,
Свѣтясь, дрожа, себя перебивая,
Дождь золотой изъ прорванной сумы, —

Рыдала и звенѣла рѣчь живая.

И онъ склонялся,

И онъ качался,

И расцвѣчался

Огнемъ живымъ.

Рыдалъ, взметенный,

Просилъ, влюбленный,

Молилъ, смущенный,

Былъ весь какъ дымъ.

Размѣръ мѣняя,

Тоска двойная,

Перегоняя

Саму себя,

Лилась и пѣла,

И безъ предѣла

Она звенѣла,

Слова дробя.

Страдать жестоко,

По волѣ рока,

Не видя Ока

Пресвѣтлыхъ дней, —

Но лишь хваленье,
Безъ мглы сомнѣнья,
Лишь пѣснопѣнья
Огню огней.

Привѣтъ—пустынямъ.
Надъ Гангомъ синимъ
Да не остынемъ
Своей душой.
Слѣпецъ несчастный,
Пѣвецъ прекрасный,
Ты въ пылкѣ страстной
Мнѣ не чужой.

И если, старымъ,
Ты къ тѣмъ же чарамъ,
Сердечнымъ жаромъ,
Все будешь пѣть,—
Мысль мыслью чуя,
Вздыхнувъ, пройду я,
Къ тебѣ въ суму я
Лишь брошу мѣдь.

ИНДІЯ.

Съ вершинъ небесъ упалъ на землю Гангъ.
И браманы въ немъ черпають отвагу
Читать міры, смотря умомъ во влагу.
Тамъ, за холмомъ, томится гамелангъ.
Раскрытый лотось—доставѣрность дара.
Въ той чашѣ голубое есть вино,
Глядящему упиться имъ дано.
Готовить Солнце празднество пожара.
Мечта звенить. Священный вьется дымъ.
Какъ хорошо быть въ ладѣ съ Міровымъ.

ТАНЕЦЪ ИСКРЪ.

Лунный свѣтъ, расцвѣтшій надъ водою,
Златоокихъ полный огоньковъ,
Онъ горитъ звѣздою молодою,
Бѣлый лотосъ въ тридцать лепестковъ.

На зарѣ приходитъ Индіанка,
Нѣжитъ тѣло смуглое въ волнѣ,
А позднѣй крылатая свѣтлянка
Танецъ искрѣ ведетъ какъ по струнѣ.

Но струнѣ извилистой и странной,
Какъ въ ножѣ Малайскомъ лезвіе,
Какъ извивы губъ моей желанной,
Какъ любовь, гдѣ все мое — твое.

Переливы, срывы, и отливы,
Погасить, чтобъ вновь сейчасъ зажечь,
Это-ль, въ часъ, когда всѣ сны красивы,
Не души къ душѣ живая рѣчь.

Бѣлый лотосъ тридцать бѣлыхъ крылій
Развернулъ и смотритъ въ водоемъ,
Расцвѣти же, лучшая изъ лилій,
Въ танецъ искрѣ мы два огня сольемъ.

ВѢНЧАНІЕ ВЪ СТРАНѢ ЛОТОСА.

Когда нареченную

Должны отвести къ жениху въ предназначенный домъ,
Ее омывають душистой водой, чтобъ отдать совершенную,
Настой изъ цвѣтовъ заправляютъ пахучимъ и нѣжнымъ
плодомъ.

Чуть сумракъ отвѣтается,

Какъ пчелы облѣпять цвѣтокъ, къ ней подружки спѣшатъ,
Надъ юною плотью душистое таинство рѣшетъ и дѣтается,
Да къ нѣжности нѣжность на праздникъ любви принесетъ
ароматъ.

Ее пристыженную

Потомъ облакають въ нетронутый свѣжій покровъ,
Сажаютъ ее у огня, чтобы онъ озарилъ благовонную,
И чуть прикоснется огня, ублажаютъ высокихъ боговъ.

Горять возліанія

Веселому Агни, и Сомѣ, что лунно пьянить,
Гремучему Индрѣ, и Митрѣ, что мечуть по небу сіанія,
И каждый уваженъ здѣсь богъ, что въ напѣвныхъ вѣкахъ
именить,

И дѣвами юными

Женихъ окруженный навстрѣчу желанной идетъ,
Два сердца поютъ и звенять переливными звонкими
струнами,
И зеркало въ руку ей давъ, говоритъ онъ, что въ травахъ
есть медь.

Надъ ними сверканіе,
Мечъ старшіе держать, и смотреть женихъ на Востокъ,
И смотреть невѣста на Западъ, и въ этомъ завѣтъ пред-
вѣщанія,
Что видятъ они двѣ зари и въ одинъ сочетаютъ ихъ
срокъ.

И млѣетъ влюбленная,
И млѣетъ влюбленный, вѣнчанные въ счастье идя,
„Я—ты“, говоритъ, „ты же—я“, „Небо—я, ты—земля
благовонная.“
И сыплются зерна на нихъ, какъ весенняя пляска дождя.

ДЕОДАРЬ.

Въ моей Индусской рощѣ есть древо деодарь,
Своимъ стволомъ смолистымъ восходить въ высь оно,
Его расцвѣтъ походить на призрачный пожарь,
Голубоваты вѣтви, внизу у пня темно.

Зовется деревомъ Солнца то древо деодарь,
Еще зовется мощнымъ, и деревомъ чистоты,
Но изъ ствола исходитъ неволящій угарь,
И паутиняты вѣтви для душъ силки мечты.

Восходить стройнымъ кедромъ то древо деодарь,
Какъ руки въ часть молитвы, идутъ ряды вѣтвей,
Но кто лѣсныхъ коснулся густыхъ смолистыхъ чарь,
Тотъ древу деодару отдасть всю пряжу дней.

ДО РОЖДЕНЬЯ.

Еще до рожденья, къ намъ въ нѣжное ухо
Нисходитъ съ лазурнаго неба ээирь,—
Оттуда имѣемъ сокровище слуха,
И съ дѣтства до смерти мы слушаемъ мѣрь.

Еще до рожденья, отъ Солнца нисходитъ
Утонченный лучъ въ сокровенный зрачокъ,—
И ищетъ нашъ глазъ, и часами находитъ
Небесное въ буквахъ всѣхъ временныхъ строкъ.

Еще до рожденья, взлелѣяны свѣтомъ
И мглами и снами различнѣйшихъ лунъ,—
Мы стройно проходимъ по разнымъ планетамъ,
И въ звѣздныя ночи здѣсь разумъ нашъ юнъ.

Земные, небесны мы въ сказочной мѣрѣ,
Но помнимъ лишь рѣдко тотъ видѣнный сонъ,—
Еще до рожденья, еще на Венерѣ,
Въ тебя я, о, сердце, былъ звѣздно влюбленъ.

СОНЕТНОЕ ТЕЧЕНЬЕ.

Когда въ стихѣ сонетное теченье,
Быть можетъ ты споешь и не сонетъ,
Но по игрѣ чуть видимыхъ примѣтъ
Узнаю я его предназначенье.

{ Волна къ волнѣ всегда полна влеченья,
Изъ глазъ въ глаза всегда доходитъ свѣгъ,
Яви въ зрачкахъ таинственный обѣтъ,
Навѣкъ межъ нами будетъ обрученье.

Въ сплетеньи строкъ такая жъ тайна есть,
Какъ между обрученіемъ и свадьбой,
Межъ липой и старинною усадьбой.

Терцинное сейчасъ дополню шесть,
И хоть мѣняю риѣму для каприза,
Сонетъ, какъ жрецъ, здѣсь выткалась вся риза.

КОЛЬЦО.

Въ пиру огней я кравчій былъ и стольникъ,
Смотря въ алмазъ узорнаго кольца.
Повторный въ немъ горѣлъ восьмиугольникъ,
И блескъ перебѣгалъ тамъ безъ конца.

Люблю многоизмѣнчивость лица,
Передъ которымъ вольный я невольникъ.
И розсыпь грезъ, кующихъ кругъ вѣнца,
И быстрыхъ словъ разсыпанный игольникъ.

Четыре есть стихіи въ Міровомъ,
А здѣсь въ алмазѣ дважды есть четыре.
Игла иглу, остра, торопить въ мірѣ.

Въ кольцо намекъ на молнію и громъ.
Огни растутъ. Потокъ лучей все шире.
И всѣ поютъ: Идемъ! Бѣжимъ! Блеснемъ!

ПОРТРЕТЪ.

Газель, и конь, и молнія, и птица,
Въ тебѣ слились и ворожатъ въ глазахъ.
Колдуетъ полночь въ черныхъ волосахъ,
Въ поспѣшной рѣчи зыбится зарница.

Есть сновидѣнно намъ родныя лица,
Въ восторгъ любви въ нихъ проскользаетъ страхъ.
И я тону въ расширенныхъ зрачкахъ,
Твоихъ, о, Византійская царица.

Съ учтивостью и страстью руку взявъ,
Что дополняетъ весь твой зримый нравъ
Плѣнительными длинными перстами, —

Смотрю на перстни, въ нихъ поетъ алмазь,
Рубинь, опаль. Дордѣль закатный часъ.
И править Ночь созвѣздными мечтами.

КЛЮЧЬ.

Волшебница дала мнѣ ключъ блестящій,
Отъ замка, въ чьемъ саду всѣ сны Земли
Безсмертными цвѣтами расцвѣли.
Онъ былъ окутанъ благовонной чащей,—

Онъ былъ украшенъ птицею летящей,
Зарей, разлившей алый блескъ вдали,
Какъ будто духи сокъ рубиновъ жгли.
Я подходилъ къ разгадкѣ настоящей.

Предъ замкомъ мостъ. Подъ нимъ течетъ рѣка.
Въ водѣ свѣтилась бездна голубая.
Вдругъ, быстрымъ кругомъ птицу огибая,—

Другая птица пала свысока.
Я видѣлъ кровь. Разжалась вмигъ рука.
И ключъ упалъ, чуть всхлипнувъ, утопая.

ЗНАКИ.

Я ихъ читалъ, безчисленные знаки,
Начертанные мыслью вѣковой,
Гадаль по льву въ скругленномъ зодіакѣ.

Чрезъ гороскопъ читаль грядущій бой,
Размѣтилъ Ассирійскія дружины,
И ихъ пронзилъ Египетскою стрѣлой.

Ликъ божій, человѣчій, соколиный,
По очереди ввелъ въ гіероглифъ,
Надъ цѣлымъ міромъ былъ я царь единый.

Мой мечъ былъ быстръ, двуостръ, и прямъ, и кривъ,
Мой шлемъ звѣригъ, и бился я безъ шлема,
Я избивалъ неисчислимость дивъ.

На мнѣ порой качалась діадема,
Я убѣгалъ отъ царскаго вѣнца,
Отъ Вавилона шель до Виюлеема,

Возжадавъ жала страсти безъ конца,
Я уронилъ свой помысль въ звоны систра,
И пѣлъ Гаторъ, близъ нѣжнаго лица.

Какъ Богдыханъ, я перваго министра
Караль, какъ сына пѣствуетъ отецъ,
Быль звѣздохеть, кружились звѣзды быстро.

Блестящую стрѣлу стремилъ Стрѣлецъ,
Но былъ одѣтъ я въ поясъ Оріона,
И мой во всемъ побѣдный былъ конецъ.

Опредѣливши очеркъ небосклона
Прикосновеннымъ циркулемъ ума,
Велѣлъ звѣздѣ не нарушать закона.

О, какъ полна богатствъ моя сума!
Но вотъ, какъ дважды два всегда четыре,
Не скажетъ день, не изъяснитъ мнѣ тьма,
Гдѣ могъ бы отъ себя я скрыться въ мірѣ!

ЧЕРЕЗЪ ВЪКА.

Звонъ гонга въ сонномъ раѣ Богдыхана,
Тончайшія сплетенья шелковиць,
Рожденье лунъ, привычки рѣдкихъ птицъ,
Отгѣнки льна, росистымъ утромъ, рано,—
Созвенность грезъ, плывущихъ изъ дурмана,
Нѣмой рассказъ навѣкъ застывшихъ лицъ,
Все, что въ границахъ, все, что внѣ границъ,
Что ярко, тускло, мудро, нѣжно, пьяно,—
Улада быть покорнѣйшимъ рабомъ,
И ужасъ вѣдать полюсь полновластья,
Заря стыда, нагорный снѣгъ безстрастья,—
Сто тысячъ лѣтъ быть въ сѣромъ и слѣпомъ,
Сто тысячъ лѣтъ быть зоркимъ въ голубомъ,—
Я знаю все! Не знаю только—счастья!

И раздался у меня три часа,
Весь Ледо-Клад, и Арктика,
И Кюм-Кюм, три владыка,
Но был тут только Сиверский край.

И вь Мертвы, вь Мертвы-слово и вь Мертвы,
Вь день вь Мертвы и вь Мертвы-слово,
Ушла вглубь на Мертвы Сиверский край,
Съ собой, **ЗВУКЪ ЗВУКОВЪ.**

Сейчасъ на Сѣверѣ горитъ Луна.
Сейчасъ на Сѣверѣ бѣгутъ олени.
Равнина снѣжная мертва, ясна.
Отъ тучекъ маленькихъ мелькаютъ тѣни.

На небѣ стынущемъ огромный кругъ.
Какія радуги, Луна, ты плавишь?
Когда-бъ на Сѣверѣ мнѣ умчаться вдругъ
Отъ черно-бѣлаго мельканья клавишь!

Сиверский край, вь Мертвы-слово,
Сиверский край, вь Мертвы-слово,
А вь Мертвы-слово, вь Мертвы-слово,
Но всю безмолвную природу,
Безмолвно степенно ледяную,
Сиверский край, вь Мертвы-слово.

Одна вь Мертвы-слово,
Вь Мертвы-слово, вь Мертвы-слово,
Ея Таргетъ стало жидко,
Нѣтъ вѣдь пришла къ нему она.

СКИѠСКАЯ ЛЪТОПИСЬ.

Когда земля была пустая,
И былъ безлюдень СкиѠскій край,
Свирѣлью время коротая,
Жиль мужъ, что звался Таргитай.

Родился въ міръ онъ отъ Перуна
И отъ Днѣпрянки молодой,
Тогда все въ мірѣ было юно,
Но міръ скучаль, онъ былъ пустой.

Свирѣль роняла звуки въ воду,
Свирѣль струила пѣсни вдаль,
Но всю безлюдную природу
Безгласно стерегла печаль.

Одна Днѣпровская русалка
Внимала, какъ свирѣль грустна,
Ей Таргитая стало жалко,
Изъ водъ пришла къ нему она.

И родились у нихъ три сына,
Былъ Липо-Ксай, и Арпо-Ксай,
И Кола-Ксай, три властелина,
Но былъ пустыненъ Скиѳскій край.

И въ Цвѣтенѣ, въ мѣсяцъ сновъ и миѳовъ,
Въ день пѣснесловъ и въ часъ игры,
Упали вдругъ на землю Скиѳовъ.
Съ небесъ высокіе дары.

Соха, ярмо, сѣкира, чаша,
Ниспали быстрой чередой,
Все то, чѣмъ жизнь красива наша,
И каждый даръ былъ золотой.

Подходить старшій братъ, увидя,
Все это, мыслить, для меня,
Но золото, въ пламенной обидѣ,
Одѣлось вскипами огня.

И такъ же братъ подходит средній,
А золото жжетъ,—моль, прочь ступай,
И послѣ всѣхъ пришелъ послѣдній,
Смиранный, младшій, Кола-Ксай.

Соха золотая остудилась,
Раскрыла землю лезвіемъ,

Ярмо, все въ лентахъ, опустилось
На двухъ воловъ, что пашутъ днемъ.

Съкиру въ бой ведетъ отвага,
А въ дни труда она топоръ,
Лишь въ чашѣ золотая брага
Вечерній расцвѣчаетъ взоръ.

Достигши края Амазонокъ,
Два старшихъ брата взяли женъ,
И смѣхъ дѣтей ихъ нынѣ звонокъ,
Гдѣ Волга и Ока и Донъ.

А младшій братъ нашель подругу
Полянку, женку у межи,
И вмѣстѣ съ ней идетъ по лугу,
Въ вѣнкѣ изъ васильковъ и ржи.

Но чуть заржутъ за степью кони,
Звенить и стонетъ Скиѣскій край:—
Сынамъ о радостяхъ погони
Свирѣлитъ пѣсню Таргитай.

КТО КОГО.

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.

Я колдую. Вихри чую. Грѣю сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы пролетимъ.
Жарко дышитъ. Мысли слышитъ. Конь огонь и побратимъ.

Врагъ мой равень. Полноправень. Чей скорѣй вскипитъ
бокаль?

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогналъ.

ДУГА.

Радуга-дуга, не пей нашу воду.

Дѣтская игра.

1.

Всецвѣтный свѣтъ, невидимый для глаза,

Когда пройдетъ черезъ хрустальный клинъ,

Ломается. Въ безцвѣтномъ онъ единъ,

Въ дробленіи—игранье онъ алмаза.

Въ немъ семь мгновений связнаго разказа:—

Кровь, уголь, золото, стебель, лень долинь,

Колодецъ неба, синеалый сплинъ,

Семи цвѣтовъ густѣющая связа.

Дуга небесъ—громовому коню—

Остановиться въ бѣгѣ назначенье,

Ворота въ кротость, сказка примиренья.

Въ фіалку—розу я не измѣню.

Раздѣльность въ цѣльномъ я всегда цѣню.

Бросаю клинъ. Мнѣ чуждо раздробленье.

2.

Какъ хорошо въ цвѣтахъ отъединенье:—
 Чтò рознь, то рознь, хоть мѣръ есть цѣльность сна.
 Мнѣ кровь какъ кровь, и лишъ какъ кровь, нужна,
 Не какъ дорога семиизмѣненья.

Семь струнъ моихъ, и въ нихъ едино пѣнье,
 Но каждая есть вольная струна.
 И мѣдный уголь, и змѣя-волна,
 И среброзлато, все есть опьяненье.

Но ты, что внемлешь мнѣ сейчасъ, замѣть:—
 Я громъ люблю какъ высшую свободу,
 Не красочно размѣченную сѣть.

Для арфы злато, для чекана мѣдь.
 Не пей, дуга, дождей текучихъ воду,
 Мнѣ, каплѣ, дай, средь капель, жить и пѣть.

— КОВЧЕГЪ ЗАВѢТА.

Красный, мѣдный, золотой,

Травка, голубь, глубь небесь,

И фіалка надъ водой,

Полноцвѣтный кругъ чудесь.

Есть и крайняя черта,

Чтобъ почувствовать полнѣй:—

Передъ кровью темнота,

Вся въ багровостяхъ тѣней.

И въ другомъ еще черта,

Берегъ тотъ увидь яснѣй:—

Тамъ сверкаетъ красота

Фиолетовыхъ камней.

Ходятъ громы искони,

Пляшутъ молніи вверху.

Но воркуютъ наши дни,

Вѣрь любви, и вѣрь стиху.

Бросься въ красные огни,

Буря—свѣжесть, громъ—привѣтъ.

Встала Радуга. Взгляни.

Это съ Богомъ есть завѣтъ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Мат. Пустыня татенская.

Сверка. Пустыня татенская.

Потомъ быльсь бабока.

УШЕДШІЙ.

Довѣрчиво жилъ я съ тѣмъ племенемъ страннымъ,
Которое въ мѣрѣ зовется людьми.
Но скучно въ ихъ праздникѣ скупно-обманномъ.
Пустыня, раскройся, и сына прими.

Учтивостю лѣтъ.

Остылъ я къ людскому. Мнѣ ближе стрекозы.
Летучія рыбки, когда я въ моряхъ.
И лѣтнія розы. И вешнія грозы.
И вечеръ въ горячихъ своихъ янтаряхъ.

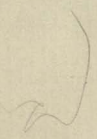
Колонны въ вѣнцѣ.

И въ вѣнцѣхъ и въ мѣнцѣхъ.

Онъ въ жужжаніи пѣніи.

Оба зтомъ превращеніи.

Скавалъ исторы мѣрѣ.

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

Изъ гусеницы гаденькой
Сперва бываетъ куколка,
Потомъ бываетъ бабочка,
Летитъ, пьнясь слегка,
Мерцаетъ надъ травинками,
Цѣлуется съ былинками,
Питается пылинками
Душистаго цвѣтка.
Но этимъ не кончается,
Летитъ, летаетъ бабочка,
Вдругъ выростетъ крылатая
Колибри, вся въ огнѣ.
И въ рдѣніи и въ млѣніи,
Она въ жужжащемъ пѣніи,
Объ этомъ превращеніи
Сказали Негры мнѣ.

ИЗЪ ВЫЮГИ.

Полиняло поле клевера.

Смолкли клики журавлей.

Въ бѣгѣ мига, въ смѣнѣ дней,

Свѣяль вѣтеръ выюгу съ Сѣвера.

О минувшемъ не жалѣй.

Посмотри, въ какіе жгутики,

Воя, вьетъ снѣга мятель.

Сказокъ дымная кудель.

Въ смѣнѣ снѣга скрыты лютики.

Ледъ къ веснѣ готовитъ хмѣль.

СТРѢЛА.

Опять оповѣщаетъ веретенцо
Безчисленно журчащихъ ручейковъ,
Что весело рождаться изъ снѣговъ
По прихоти колдующаго Солнца.

Пчела, проснувшись, смотритъ изъ оконца,
На вербѣ ей душистый пиръ готовъ,
Оставленъ темный улей для цвѣтовъ,
Что тонкое развили волоконце.

Вотъ за пчелой летитъ еще пчела.
Другая, третья. Благовѣстятъ звономъ.
Межъ тѣмъ сквозь дымы дальняго села, —

Гдѣ только что обѣдня отошла,
Къ полямъ, къ лѣсамъ, и по холмистымъ склонамъ,
Летитъ отъ Солнца свѣтлая стрѣла.

ХОДЯЩАЯ СИЛА.

Мнѣ снились, въ ратривѣ пожарищъ небесныхъ,
Двѣ огненныхъ, бьющихъ другъ друга, лозы,
И мчался Перунъ на громахъ полнолѣсныхъ,
Живая ходящая сила грозы.

Откуда идетъ онъ? Уходитъ куда онъ?

Не знаю, но теплое лѣто за нимъ.

И точно заря онъ, и точно звѣзда онъ,—

Одѣтъ онъ разсвѣтомъ и днемъ огненнымъ.

Движенье-ль онъ мысли иль страсти Сварога,

Тѣхъ синихъ, тѣхъ звѣздныхъ широть и высотъ?

Не знаю, но знаю, что ярый—отъ Бога,

И сердце ликуеть, когда онъ идетъ.

СТРАНА
АЛНО РАИИДОХ
ВЕСЕННЕЕ.

Межь сосень лучисто-зеленя пятна
На травахъ, на нѣжно-весенней землѣ.
Ужь скоро весь лѣсъ расцвѣтетъ ароматно,
И ласточка сказку примчить на крылѣ.

Своимъ щебетаньемъ разсыплеть ту сказку
Лазурною вязью пролѣсокъ и сна.
Танцуетъ Весна. Уронила подвязку.
И гдѣ уронила, тамъ сказка видна.

Она изъ зеленыхъ и бѣлыхъ и синихъ
И желтыхъ и красныхъ и дикихъ цвѣтовъ.
Безчинствуетъ Лѣшій въ лѣсистыхъ пустыняхъ,
И зайца съ зайчихой ославить готовъ.

ДРЕВОСТУКЪ.

Древостукъ, иначе дятель,
Въ рощѣ вешней застучалъ,
Много дыръ законопатилъ,
Много новыхъ означалъ.
Длиннымъ клювомъ по деревьямъ
Червяковымъ шель путемъ,
Многимъ былъ конецъ кочевьямъ,
Стуки, звуки, шумъ, погромъ.
У жучка, опочивальной,
Ползъ испуганный червякъ,
И звучало въ рощѣ дальней
Таки-тукъ и тики-такъ.
„Ужь какой несносный дятель!“
Прожужжали комары.
„Всѣ стволы онъ размохнатилъ.
Убирайся до поры!“
Комарамъ не послушая,
Длинноклювый древостукъ
Веселился, отбивая
Тики-такъ и таки-тукъ.

ВЕСЕННИЙ СВѢТЬ.

Завель комарикъ свой органчикъ.
Я изъ былинки сдѣлалъ шестикъ,
Взошелъ на желтый одуванчикъ,
И пью, нашель медвяный пестикъ.

Всю осушивъ бутылку меду,
Зеленый жукъ, рожденный чудомъ,
Свѣчу весеннему я году
Своимъ напѣвнымъ изумрудомъ.

НА МЕЛЬНИЦѢ.

Изъ орѣховой скорлупки
Приготовивши ковчегъ,
Я сижу, поджавши губки:—
Гдѣ-то будетъ мой ночлегъ?
Предъ водою не робѣя,
Для счастливаго конца,
Я, находчивая Фея,
Улецаю плавунца.
„Запрягись въ мою скорлупку,
И вези меня туда,
Гдѣ на камнѣ мелютъ крупку,
И всегда кипить вода.“
Былъ исполненнымъ догадки
Веслоногій плавунецъ:—
Съ мышкой мельничною въ прятки
Я играю наконецъ.
Плавунца я отпустила,
Услыхавши жернова.

Онъ нырнулъ въ домокъ изъ ила,
Гдѣ подводится трава.
Хороводятся тамъ стебли,
Снизу прячется пискарь.
Плавунецъ, искусный въ греблѣ,
Между всѣхъ нырялокъ царь.

А подальше отъ запруды
Заходя за перекать,
Въ быстромъ блескѣ мчатся гуды,
Всплески, брызги, влажный градъ.
Надъ вспѣннымъ водопадомъ,
Съ длинной бѣлой бородой,
Жернова считаетъ взглядомъ
Мельникъ мудрый и сѣдой.
У него жена колдунья,
Изъ муки Луну прядеть,
Причитаетъ бормотунья:—
„Четъ и нечетъ, нечетъ, четъ.“
Насчитаетъ такъ, до счета,
Пыль тончайшей бѣлизны,
Замерцаетъ позолота,
Въ небо выйдетъ серпъ Луны.
Выйдетъ тонкій, и до шара,
Ночь за ночью, въ небосводъ,
Лунно-бѣлая опара,
Пряжа Мѣсяца плыветъ.

Въ эти мѣсячныя ночи
Воздухъ манить въ вышину.
Разумъ дѣвушекъ короче,
Стебли тянутся въ струну.
И колдунья съ мукомоломъ,
Что-то въ полночь пошептавъ,
Слышать въ сумракѣ веселомъ
Проростанье новыхъ травъ.
Я же съ мельничною мышкой,
Не вводя избу въ изьянъ,
Прогремлю въ сѣняхъ задвижкой,
Опрокину малый жбанъ.
Мы играемъ съ кошкой въ жмурки,
Уманимъ ее на столъ.
А подь утро у печурки
Отъ муки весь бѣлый полъ.

НЕИЗЪЯСНИМОЕ.

Неизъяснимо удовольствіе

Проникнуть въ тайны Вещества.

Услыша птичьи разглагольствія,

Я замыкаю ихъ въ слова.

Блуждая дряхлыми селищами,

Я нахожу траву-разрывъ.

А если гдѣ встрѣчаюсь съ нищими,

Бываетъ нищій прозорливъ.

Дружу съ слѣпыми я и старыми,

Еще съ дѣтьми я говорю.

Учусь у сновъ, играю чарами,

И провожаю въ путь зарю.

ПО ЗАРЯМЪ.

По зарямъ я траву—выстилаю шелками,
Уловляю разрывъ - въ золотой аксамитъ,
И когда уловлю,—пусть я связанъ узлами,
Приложу какъ огнемъ,—самый крѣпкій сгорить.

Есть трава бѣлоярь, что цвѣтетъ лишь минутою,
Я ее усмотрю—и укрою въ строку,
Я для вѣтра нашель зацѣпленье и путю,
Онъ дрожить и поеть, развѣвая тоску.

Травка узикъ—моя, вся сердита, мохната,
Какъ желѣзца у ней тонкострѣльны листы,
Надъ врагомъ я хотѣлъ посмѣяться когда-то,
Заковаль его въ цѣпь—многодневной мечты.

А травинка кликунъ кличетъ гласомъ по дважды
На опушкѣ лѣсной такъ протяжно: „Ухъ! Ухъ!“
И ручьи, зажурчавъ, если полонъ я жажды,
Отгоняя другихъ, мой баюкають слухъ.

Также быліе цвѣтъ есть съ дѣвическимъ ликомъ,
Листья—шелкъ золотой, а цвѣтокъ—точно ротъ,
Я травинкой качну,—и въ блаженствѣ великомъ
Та, кого я люблю, вдругъ меня обойметъ.

• ИНАЯ ЖИЗНЬ.

Всю жизнь хочу создать изъ свѣта, звука,
 Изъ лунныхъ сновъ и воздуха весны,
 Гдѣ лишь любовь единая наука,
 И съ дѣтства ей учиться всѣ должны.
 Какъ долженъ звонъ Пасхальнымъ быть разговоромъ,
 Чтобъ колоколь былъ весель въ вышинѣ,
 Какъ пламень долженъ пляской по алмазамъ
 Перебѣгать въ многоцвѣтистомъ снѣ.

ОЖЕРЕЛЬЕ.

Тебѣ дрожащее сковаль я ожерелье,
Все говорящее отливками камней,
Въ немъ изумрудами качается веселье,
И грезить гудами рубинный хоръ огней.

Въ немъ ароматами мечтають халцедоны,
Сквозя съ гранатами въ лазоревой тѣни,
И сонъ, опалами слагая луннозвоны,
Поеть усталыми мерцаньями: Усни.

ИЗЪ ДРЕМЫ.

Изъ вещества тончайшаго, изъ дремы,
Я для любимой выстроилъ хоромы,
Ей спальню изъ смарагдовой тиши
Я сплелъ, и тихо молвилъ: Не дыши.

Дыханье удержи лишь на мгновенье.
Ты слышишь? Въ самомъ воздухѣ есть пѣнье.
Есть въ самой ночи всеохватный звонъ.
Войдемъ въ него, и мы увидимъ сонъ.

ОТЪ СОЛНЦА.

Я родился отъ Солнца. Сіянье его заплелось
Въ ликованьи моихъ золотыхъ и волнистыхъ волосъ.
Я родился отъ Солнца и матово-блѣдной Луны.
Оттого въ Новолунье мнѣ снятся узывные сны.

Я родился въ Іюнь, когда въ круговратности дней
Торопливыя ночи короче другихъ и нѣжнѣй.
Въ травянистомъ Іюнь, подъ самое утро, когда
Въ небесахъ лишь одна, вселюбовная, свѣтитъ звѣзда.

Я отъ яркаго Солнца. Но выросъ, какъ стебель, во мглѣ,
И какъ сынъ припадаю къ сладимой родимой землѣ.
Я родился отъ Солнца. Такъ Солнцемъ я всѣхъ заклянѹ,
Чтобы помнили Солнце, чтобъ въ сердцѣ хранили Весну.

ГРОМОВЫМЪ СВѢТОМЪ.

Меня крестить несли весной,
Весной, нѣтъ, раннимъ лѣтомъ,
И дождь пролился надо мной,
И громъ гремѣлъ при этомъ.
Предъ самой церковкой моей,
Святыней деревенской,
Цвѣли цвѣты, бѣжалъ ручей,
И смѣхъ струился женскій.
И прежде чѣмъ меня внесли
Въ притихшій мракъ церковный,
Крутилась молнія вдали,
И градъ плясалъ неровный.
И прежде чѣмъ меня въ купель
Съ молитвой опустили,
Пастушья пѣла мнѣ свирѣль,
Надъ снѣгомъ водныхъ лилій.
Я раньше былъ крещенъ дождемъ,
И освященъ грозою,
Уже священникомъ потомъ,
Свѣчою и слезою.
Я въ дѣтствѣ дважды былъ крещенъ,
Крестомъ и громнымъ лѣтомъ,
Я буду вѣчно видѣть сонъ,
На вѣкъ съ громовымъ свѣтомъ.

ПОДЪ ЗНАКОМЪ ЛУНЫ.

Подъ этой молодой Луной,
Котерой серпъ горитъ надъ изумруднымъ Моремъ,
Ты у волны идешь со мной,
И что-то я шепчу, и мы тихонько споримъ.

Такъ мнѣ привидѣлось во снѣ.
Когда же въ насъ волна властительно плеснула,
Я видѣлъ ясно при Лунѣ,
Я въ Морѣ утонулъ, и ты въ немъ потонула.

Но въ полумгль морского дна
Мы тѣсно обнялись, какъ два цвѣтка морскіе.
Намъ въ безднахъ грезится Луна,
И звѣзды новыхъ странъ, узоры ихъ другіе.

ГРОМОВЫМЪ СВѢТОМЪ

Меня крестить весло весной,
Весной, дѣтъ, дѣлясь лѣтомъ,
И дѣль, прогнась изъдо мной,
И ДНУМЪ КЪ ЛУНѢ.

- Ты—въ живомъ заострени ладья,
Ты—развязанный поясъ изъ снѣга,
Ты—чертогъ золотого ковчега,
Ты—въ волнахъ Океана змѣя.
- Ты—изломанный съ края шатерьъ,
Ты—кусокъ опрокинутой кровли,
Ты—намокъ на минувшія ловли,
Ты—пробѣгъ черезъ полный просторъ.
- Ты—вулканъ, переставшій имъ быть,
Ты—погибшаго міра обломокъ,
Ты зовешь—проходить средь потемокъ,
Чтобъ не спать, тосковать, и любить.

ПОДЪ ВѢТРОМЪ.

Я шель и шель, и вся душа дрожала,
Какъ надъ водой подъ вѣтромъ вѣтви ивь,
И злой тоски меня касалось жало:—
„Ты прожилъ жизнь, себя не утоливъ.“

Я предъ собой смотрѣлъ недоумѣнно,
Какъ смотреть тотъ, кто крѣпко спалъ въ ночи,
И видитъ вдругъ, что пламени, созвенно,
Вкругъ крышь домовъ кують свои мечи.

Такъ вѣрилъ я, что умоначертанье,
Слагая дни, какъ кладку ровныхъ плитъ,
Въ моей судьбѣ, осуществляя знанье,
Ошибки всѣхъ легко предотвратить.

Но я, свою судьбу построивъ мудро,
Внимательно размѣтивъ чертежи,—
Узнавъ, что уро жизни златокудро,
Узналъ, что вечеръ счастья полонъ лжи.

Объемный домъ, съ его взнесенной башней,
Сталь теремомъ, гдѣ въ окнахъ скуденъ свѣтъ,
Въ нѣмыхъ ларцахъ, съ ихъ сказкою вчерашней,
Для новыхъ дней мнѣ не найти примѣтъ.

Такъ говорилъ мнѣ голосъ вѣроломный,
Который прежде правдой обольстилъ,
И въ дымный часъ, скользя равниной темной,
Я въ мысляхъ шелъ, какъ духъ среди могиль.

А между тѣмъ за мною гнался кто-то,
Касался наклоненной головы,
Воздушная вставала позолота,
И гуль морской былъ ропотомъ травы.

Какъ будто, стебли, жить хотя, шумѣли,
Росла, опять взводимая, стѣна,
Я оглянулся,—въ синей колыбели
Былъ новый ликъ, какъ Новая Луна.

И увидавъ медвяное Свѣтило,
Что, строя, разрушаетъ улей свой,
Во имя Завтра, бросивъ то, что было,
Я снова сталъ бездомный и живой.

ПЯТЬ.

Пять гвоздей горитъ въ подковѣ,
Въ бѣгѣ быстраго коня.
Слышишь кличъ: Огня! Огня!
Слышишь голосъ: Крови! Крови!
Я далеко Жди меня.

Какъ на гусяхъ сладкострунныхъ
Древле пять жужжало струнъ, —
Какъ пяти желаетъ лунъ
Май, что медь лобзаній лунныхъ
Копить въ снѣгѣ, въ лдяномъ юнѣ, —

Какъ въ мелькающей основѣ
Пятикратно рдѣетъ нить,
Чтобы взоръ заполнить, —
Я въ твоей, всечасно, крови.
Вѣрь звѣздѣ! Должна любить!

ГРЕЗА.

Неуловимо дышетъ шелестами
Въ зеркальномъ снѣ старинный лѣсъ.
Невѣсты. Вѣсти. Взять я прелестями
Благоуханнѣйшихъ чудесь.
Цвѣты, цѣлованные бабочками,
Цвѣтутъ, и съ нихъ летитъ пыльца.
Какъ сладко дѣтскими загадочками
Себя тиранить безъ конца.

АЛАЯ ВИШНЯ.

Алая вишня еще не созрѣлая.
Бѣлое платье со складками смятыми.
Въ сжатіи нѣжномъ рука онѣмѣлая.
Садъ въ полнопѣвности. Свѣтъ съ ароматами.

Влажныя губы вотъ только узнавшія.
Спавшія, взявшія сладость сліянія.
Нижнія вѣтки чуть-чуть задрожавшія.
Верхнія свѣтятъ. Все знали заранѣе.

ВДРУГЪ.

Я люблю тебя, какъ сердце любить раннюю звѣзду,
Какъ видѣнье, что увидишь въ зачарованномъ бреду.

Я люблю тебя, какъ Солнце любить первый лепестокъ,
Какъ рожденье нѣжной пѣсни въ свѣтлой зыби легкихъ
строкъ.

Я люблю тебя за то, что ты тѣлесная душа,
И духовное ты тѣло и безсмертно хороша.

Ты безсмертное видѣнье розовѣющей зари,
Я любви твоей воздвигну въ разныхъ даляхъ алтари.

Аргонавтомъ уплывая, я прикованъ къ кораблю,
Но чѣмъ дальше удаляюсь, тѣмъ сильнѣй тебя люблю.

ВОРОЖЕЯ.

Ворожея, ворожея,
Она цвѣла и расцвѣтала,
Она смѣялась и шептала:—

„Не видишь развѣ? Я твоя“.

И Богъ и жизнь и смерть и я,
Мы всѣ ворожею любили,
И мнѣ она, въ весенней силѣ,
Шепнула: „Я—ворожея“.

ЛОЗА.

За нѣжно розовые кончики лилей,
За нѣжно-палевыя ягоды кистей,—

За чаши бѣлыя, въ которыхъ мнѣ дано
Вдыхать лобзаніемъ горячее вино,—

За тѣло стройное, какъ юная лоза,
За взоръ узывчивый, въ которомъ спитъ гроза,—

За голосъ вкрадчивый, какъ дальняя свирѣль,
За даръ плѣнительный отбросить разумъ въ хмѣль,---

Тебя, желанную, я въ огненныхъ строкахъ
Являю взору восхищенному въ вѣкахъ.

ПЕРЕСВѢТЪ.

Закать расцвѣлъ. И золотомъ расплавленнымъ
Горѣла даль. А здѣсь веретено
Жужжало мнѣ. И въ чудѣ взору явленномъ,
Свѣтилось далью близкое окно.

Закать расцвѣлъ цвѣткомъ неповторяемымъ,
И цѣлый міръ былъ озаренный садъ.
Люблю. Люблю. Путемъ, мечтою чаемымъ,
Иду по днямъ. И не вернусь назадъ,

ВЪ ПОТОКЪ.

Каждый мигъ запечатлѣнный,
Каждый атомъ Вещества,
Въ этой жизни вѣчно плѣнной,
Тайно просится въ слова.

Мысль подвигнута любовью,
Жизнь затеплилась въ любви,
Ветхій вѣкъ одѣлся новью,
Хочешь ласкъ моихъ,—зови.

Я приду къ тебѣ вѣнчанный
Всею тайной Вещества,
Вспыхнетъ пламень перевозанный,
Сквозь давнишнія слова.

Что бы ты мнѣ ни сказала,
Если я къ тебѣ приникъ,
Въ пѣнѣ полного бокала
Будетъ первой страсти вскрикъ.

Что бы я тебѣ, вскипая,
Жаднымъ сердцемъ ни шепнулъ,
Это—сказка міровая,
Это—звѣздъ поющій гуль.

И какъ будто не погасли
Много разъ костры планетъ,
Мы стихомъ восхвалимъ ясли,
Славя Новый нашъ Завѣтъ.

И какъ будто въ самомъ дѣлѣ
Въ мірѣ любятъ въ первый разъ,
На дѣвической постели
Вспыхнетъ пламень щекъ и глазъ.

И какъ будто Фараону
Не являла страсть сестра,
Сердце къ сердцу, лоно къ лону,
Мы шепнемъ себѣ: „Пора!“

Точно такъ же, точно то же,
Будетъ новымъ потому,
Что сокровищъ всѣхъ дороже
Та она тому ему.

И столѣтья замыкая,
Поглядятъ зрочки въ зрочки,

Та же сказка, и другая,
Нескончаемой Рѣки.

И не буду, и не стану
Я гадать, что дальше тамъ,—
Вспыхнувъ каплей, Океану
Все свое, вскипѣвъ, отдамъ.

ПОДЪ ДЕРЕВОМЪ.

Я сидѣлъ подь Деревомъ Зеленымъ,
Это Ясень, ясный Ясень былъ.
Вешній вѣтеръ шель по горнымъ склонамъ,
Крупный дождь онъ каплями дробиль.

Я смотрѣлъ въ прозрачную криницу,
Глубь пронзаль, не достигая дна.
Дождь прошелъ, я сердцемъ слушалъ птицу,
Съ птицей въ вѣткахъ пѣла тишина.

Я искалъ Загадкѣ—разрѣшенья,
Я дождался звѣздъ на высотѣ,
Но въ душѣ, какъ въ вѣткахъ, только пѣнье,
Листъ къ листу, и звукъ мечты къ мечтѣ.

Ясень былъ серебряный, нехмурый,
Добрый весь съ зари и до зари,
Но съ звѣздой—колонной темнобурой
Стволь его одѣлся въ янтари.

И пока звѣзда съ зарей боролась,
И дружины звѣздъ, дрожа, росли,
Пѣль успокоительный мнѣ голосъ,
Въ сердцѣ, здѣсь, и въ Небѣ, тамъ вдали.

И вершину Ясеня вѣнчая,
Сонмы нѣжныхъ маленькихъ цвѣтковъ
Уходили въ Небо вплоть до Рая,
По пути вѣковъ и облаковъ.

КРИСТАЛЛЪ.

1.

Смотря въ нѣмой кристаллѣ, въ которомъ расцвѣтали
Пожары ломкіе оранжевыхъ минутъ,
Весь летаргическій, я тѣломъ медлилъ тутъ,
А духъ мой проходилъ внѣвременныя дали.

Вотъ снова объ утесъ я раздробилъ скрижали,
Вотъ башня къ башнѣ шлетъ свой колокольный гудъ.
Вотъ снова гнѣвень Царь, имъ окровавленъ шуть.
Вотъ рѣзкая зурна. И флейты завизжали.

Разбита радуга. И не дойти до дна
Всего горячаго жестокаго сверканья.
Въ расширенныхъ зрачкахъ костряты содроганья.

Бьетъ полночь въ Городѣ. Ни одного окна,
Въ которомъ черное не млѣло-бъ ожиданье.
И всходить надо всѣмъ багряная Луна.

2.

Свѣтлый мальчикъ, быстрый мальчикъ, ликъ его какъ
ликъ камней.

Волосенки—цвѣта Солнца. Онъ бѣжитъ. А сверху—змѣй.

Нить натянута тугая. Путь отъ змѣя до руки.

Путь отъ пальцевъ нѣжно-тонкихъ—въ высь, гдѣ бьются
огоньки.

Взрывы, пляски, разной краски. Вязки красные тона.

Желтый край — какъ свѣтъ святого. Змѣемъ дышетъ
вышина.

Мальчикъ быстрый убѣгаетъ. Тѣнь его бѣжитъ за нимъ.

Змѣй вверху летитъ, сверкая, бѣгомъ нижняго гонимъ.

Тѣнь растетъ. Она огромна. Достигаетъ до небесъ.

Свѣтъ дневной расплавленъ всюду. Обликъ солнечный
исчезъ.

Змѣй летитъ въ зарѣ набатной. Зацѣпилъ за сосну.

Въ лѣсъ излить пожаръ заката. Чась огня торопитъ
къ сну.

3.

Свѣтляки, свѣтляки, свѣтляки,
И свѣтлянки, свѣтлянки, свѣтлянки.
Свѣтляки—на травѣ червяки,
И свѣтлянки—летучки—обманки.
Свѣтляковъ, свѣтляковъ на пророчъ,
И свѣтлянокъ, свѣтлянокъ возжаждай.
Будешь жить всю Иванову ночь,
Быть живымъ такъ сумѣть не каждый.
Свѣтляки, свѣтляки, свѣтляки,
И свѣтлянки, свѣтлянки, свѣтлянки.
О, какая безбрежность тоски.
Если-бъ зиму, и волю, и санки.
Я скользилъ бы въ затишьи снѣговъ,
И полозья такъ звонко бы пѣли,
Чтобъ навѣкъ мнѣ забыть свѣтляковъ,
И свѣтлянки бы мучить не смѣли.

И падалъ снѣгъ. Упали миллионы
 Застывшихъ сновъ, снѣжинками высотъ.
 Отъ звѣздъ къ звѣздѣ идутъ волнами звоны.
 Лишь бѣлый цвѣтъ въ текущемъ не пройдетъ.
 Лишь бѣлый свѣтъ идетъ Дорогой Млечной.
 Лишь бѣлый цвѣтъ—нагорнаго цвѣтка.
 Лишь бѣлый страхъ—въ Пустынѣ безконечной.
 Лишь въ бѣломъ снѣ пойметъ покой Рѣка.

СВИСТЬ.

Жужжащій тонкій свистъ слѣпня,

То сказка зноя въ звенящихъ крыльяхъ.

Шуршанье шаткаго огня,

То пляска вспышекъ въ ихъ изобильяхъ.

Свистъ крыльевъ сокола въ вѣтрахъ,

Когда за быстрой онъ мчится цаплей,

Несхожъ со свистомъ бурь въ горахъ,

Что сѣютъ каплю за свѣтлой каплей.

И свистъ есть въ старомъ тростникѣ,

То Ночь бормочетъ, свой саванъ свѣя,

И свистъ есть снѣга вдалькѣ,

То Смерть, вся въ сѣромъ, скользитъ, бѣлѣя.

Изъ еле слышимыхъ частицъ,

Изъ крошекъ звука тотъ шелестъ-шопоть,

Но мастодонтъ упалъ въ немъ ницъ,

Всѣхъ грузныхъ чудищъ въ немъ замеръ топоть.

Тотъ свистъ, тотъ посвистъ тайныхъ струнъ,

Что тоньше тканей изъ паутины,—

Придетъ! Киши, пока ты юнъ!

Чась приготовить снѣга и льдины!

ВОПЛЬ КЪ ВѢТРУ.

Суровый Вѣтръ, страны моей родной,
Гудящій Вѣтръ средь сосенъ многозвонныхъ,
Поющій Вѣтръ межъ пропастей бездонныхъ,
Летащій Вѣтръ безбрежности степной.

Хранитель вербъ свирѣльною весной,
Внушитель сновъ въ тоскѣ ночей безсонныхъ,
Сказитель думъ и пѣсенъ похоронныхъ,
Шуршащій Вѣтръ, услышь меня, я твой.

Возьми меня, развѣй, какъ снѣгъ мятельный,
Мой духъ, считая зимы, посѣдѣль,
Мой духъ пропѣль весь полдень свой свирѣльный.

Мой духъ усталъ отъ словъ и сновъ и дѣлъ.
Всевластный Вѣтръ пустыни безпредѣльной,
Возьми меня въ послѣдній свой предѣлъ.

САВАНЫ.

Эти саваны, саваны! Эти сѣрые, сѣрые!

Или золота въ небѣ нѣтъ?

И опять, истомившійся, всѣ узнаю пещеры я,

Но, пронзивъ ихъ извивъ, не зажгу златоцвѣтъ?

Эти съ неба схождения! Эти дымныя лѣстницы!

Отъ костровъ до слѣпой черты.

Гдѣ же мысли вѣнчальныя? Гдѣ мои зоревѣстницы?

Настигаетъ меня водопадъ темноты.

Устелилась заоблачность вся какъ волчьими шкурами.

О, пронзи ихъ, нѣжнѣйшій серпъ!

Вознесись Полумѣсяцемъ надъ порогами хмурыми,

Дай узнать мнѣ восторгъ воскресающихъ вербъ.

НЕСЧАСТІЕ.

Несчастіе стоить, а жизнь всегда идетъ,
Несчастіе стоить, но человекъ уходитъ.
И мракъ пускай снуеть и каждый вечеръ бродить,
Съ минувшимъ горестнымъ мы можемъ кончить счетъ.

Смотри, пчела звенить, пчела готовить медъ,
И стая ласточекъ свой праздникъ хороводить,
Въ любомъ движеніи числѣ нашъ умъ итоги сводить,
Что было въ чередѣ, да знаетъ свой чередъ.

Не возвращаться же намъ въ цѣломъ алфавитѣ
Лишь къ буквѣ, лишь къ одной, лишь къ слову одному.
Я вѣрую въ Судьбу, что свѣтъ дала и тьму.

О, въ черномъ бархатѣ, но также въ звѣздной свитѣ,
Проходитъ въ высотѣ медлительная ночь.
Дай сердцу отдохнуть. И ходъ вещей упрочь.

ЗОЛОТИСТЫМЪ АМЕТИСТОМЪ.

Золотистымъ аметистомъ,
Словно выжженное блюдо,
Раскалившаяся мѣдь,
Расцвѣченнымъ, пламенистымъ,
Золотистымъ аметистомъ,
Но съ оттѣнкомъ изумруда,
Съ успокоенной зарею,
Отдыхъ давъ себѣ и зною,
Дышетъ дремлющее Море,
Полюбившее не въ спорѣ,
А въ великомъ разговорѣ,
Въ грани дымныя гремѣть.

ВЪ ТИХОМЪ ЗАЛИВЪ.

Въ тихомъ заливѣ чуть слышные всплески,
Здѣсь не колдуеть приливъ и отливъ.
Сонно жужжать здѣсь и пчелки и оски,
Травы цвѣтуть, заходя за обрывъ.

Птица ли сядетъ на выступъ уклонный,
Вспугнута, камень уронить съ высотъ.
Камешекъ булькнетъ, и влагѣ той сонной
Вѣсть о паденьи кругами пошлетъ.

ВЕЧЕРНІЙ ВѢТЕРЬ.

Вечерній вѣтеръ легко провѣялъ—въ отдаленіи.
Въ лѣсу былъ лепетъ, въ лѣсу былъ шопоть, всѣ листья
въ пѣніи.

Вечерній вѣтеръ качнулъ вѣтвями серебристыми.
И было видно, какъ кто-то дышетъ кустами мглистыми.

И было видно, и было слышно—упоительно,
Какъ сумракъ шепчетъ, какъ Ночь подходитъ, идя
медлительно.

АЛЫЧА.

Цвѣтокъ тысячекратный, древо-цвѣтъ,
Безъ листьевъ сонмъ расцвѣтовъ бѣлоснѣжныхъ,
Несчетнолепестковый блѣдносвѣтъ,
Рой мотыльковъ, застывшихъ, лунныхъ, нѣжныхъ,—

Подъ пламенемъ полдневнаго луча,
На склонѣ горъ, увѣнчанныхъ снѣгами,
Блѣлетъ надъ Курюю алыча,
Всю Грузію окутала цвѣтами.

СКАЖИТЕ ВЫ.

Скажите вы, которые горѣли,
Сгорали, и сгорѣли, полюбивъ, —
Вы, видѣвшіе Солнце съ колыбели,
Вы, въ чьихъ сердцахъ горячій пламень живъ, —

Вы, чей языкъ и страненъ и красивъ,
Вы, знающіе строки Руставели, —
Скажите, какъ мнѣ быть? Я весь — порывъ,
Я весь — обрывъ, и я — нѣжнѣй свирѣли.

Мнѣ тоже въ сердце вдругъ вошло копье,
И знаю я, любовь постигнуть трудно.
Вотъ, вдругъ пришла. Пусть все возьметъ мое.

Пусть сдѣлаю, что будетъ безразумно.
Но пусть безумье будетъ обоюдно.
Хочу. Горю. Молюсь. Люблю ее.

ТАМАРЬ.

Я встрѣтился съ тобой на радостной дорогѣ,
Ведущей къ счастью. Но былъ ужъ поздній часъ.
И были пламенны и богомольно-строги
Изгибы губъ твоихъ и зовы черныхъ глазъ.

Я полюбилъ тебя. Чуть встрѣтя. Въ первый часъ.
О, въ первый мигъ. Ты встала на порогъ.
Мнѣ бросила цвѣты. И въ этомъ былъ разсказъ,
Что ты ждала того, чего желаютъ боги.

Ты показала мнѣ скрывавшійся пожаръ.
Ты приоткрыла мнѣ таинственную дверцу.
Ты искру бросила отъ сердца прямо къ сердцу.

И я несу тебѣ горѣніе—какъ даръ.
Ты, Солнцемъ вспыхнувши, зажглась единовѣрцу.
Я полюбилъ тебя, красивая Тамарь.

ГРУЗИЯ.

О, Макоце! Цѣлуй, цѣлуй меня!
Дочь Грузіи, твой поцѣлуй—блаженство.
Взоръ черныхъ глазъ, исполненныхъ огня,
Горячность серны, барса, и коня,
И голосъ твой, что ворожить, звеня,—
На всемъ печать и четкость совершенства.
Въ красивую изъ творческихъ минутъ,
Рука Его, рука Нечеловѣка,
Согнувъ гранитъ, какъ гнется тонкій пруть,
Взнесла узоръ побѣднаго Казбека.
Вверху—снѣга, внизу—цвѣты цвѣтуть.
Ты хочешь Бога. Восходи. Онъ тутъ.
Лишь вознесись—взнесеніемъ орлинымъ.
Надъ пропастью сверкаетъ вышина,
Незримый храмъ бѣлѣтъ по вершинамъ.
Здѣсь ворожатъ, въ изломахъ, письма
Взнесенно запредѣльнаго Корана.
Когда въ долинахъ спятъ, здѣсь рано-рано

Улыбка Солнца скрытаго видна.
Глядитъ Казбекъ. У ногъ его—Свѣтлана,
Спитъ Грузія, священная страна,
Отдавшая пришельцамъ, имъ, равниннымъ,
Высокій взмахъ своихъ родимыхъ горъ,
Чтобы у нихъ, въ ихъ бытіи пустынномъ,
И плоскомъ, но великомъ, словно хоръ
Разливныхъ водъ, предѣльный былъ упоръ,
Чтобы хребетъ могучій всталъ, бѣлѣя,
У сильнаго безобразнаго Змѣя.
Но да поймутъ, что есть священный Змѣй,
И есть змѣя, что жалится, воруя.
Да не таитъ же сильный Чародѣй
Предательство въ обрядѣ поцѣлуя.
О, Грузія жива, жива, жива!
Поетъ Арагва, звучно вторитъ Терекъ.
Я слышу эти вѣрныя слова.
Зачѣмъ же, точно горькая трава,
Которой зыбь морская бьетъ о берегъ,
Тѣ мертвые, что горды слѣпотой,
Приходятъ въ край, гдѣ все любви достойно,
Гдѣ жизнь людей озарена мечтой.
Кто входитъ въ храмъ, да чувствуетъ онъ стройно.
Мститъ Красота, будь зорокъ съ Красотой.
Я возглашаю словомъ заклинанья:—
Высокому—высокое вниманье.
И если снѣжно дремлетъ высота,

Она умѣтъ молніей и громомъ
Играть по вѣковымъ своимъ изломамъ.
И первые здѣсь Рыцари Креста,
Поэму жертвы, всѣмъ ея объемомъ,
Въ себя внѣдривъ, пропѣли, что Казбекъ
Не тщетно полонъ грозъ, изъ вѣка въ вѣкъ!

ДРЕВНІЙ ПЕРСТЕНЬ.

Въ ночахъ есть чара искони,

Издравле любятся впотьмахъ.

Закрой глаза. Усни. Усни.

Забудь, что въ мірѣ дышетъ страхъ.

Я древній перстень снялъ съ перста,

Имъ мысль скрѣплю какъ вѣнцомъ.

Ужь ты не та. Не та. Не та.

Мы вмѣстѣ скованы кольцомъ.

Мерцаетъ въ перстнѣ халцедонъ,

И холодѣешь ты во снѣ.

Въ тебѣ чуть внятный звѣздный звонъ.

Предайся мнѣ. Лишь мнѣ. Лишь мнѣ.

Завѣтный камень волкоокъ,

Въ себя вобралъ всю власть Луны.

Люби. Люби. Твой сонъ глубокъ.

Люби. Мы всѣ любить должны.

СКВОЗЬ СЛѢПОТУ.

Тамъ, гдѣ тѣла—колдующій уборъ
И многократность долгаго наслѣдства,
Не можетъ быть вполнѣ невиннымъ дѣтство,
И бездну безднѣ таить дѣвичій взоръ.

Смотри, есть безконечный разговоръ
Земли съ Луною, въ силу ихъ сосѣдства,
И мы всегда ведемъ, отъ малолѣтства,
Съ земнымъ минувшимъ многосложный споръ.

Шепча „Люблю“, мы хищники лѣсные,
За милой мы слѣдимъ изъ-за куста,
Любя, мы словно любимъ не впервые.

Любовь—война. Любовь есть слѣпота,
Въ которой вдругъ вскрывается прозрѣнье,
Огонь зари временъ миротворенья.

ВЕРХОВНЫЙ ЗВУКЪ.

Когда, провизгнувъ, дротикъ вздрогнетъ въ барсѣ,
Порвавши сновидѣнье наяву,
И алый пламень крови жжетъ траву,
Я помню, что всегда пожаръ на Марсѣ.

Въ Индусѣ, въ Мексиканцѣ, въ Кельтѣ, въ Парсѣ,
Въ ихъ вскрикахъ и воззваньяхъ къ Божеству,
Я вижу брата, съ нимъ въ огнѣ плыву,
И Эллинь онъ, онъ—пѣснь, чье имя—Марсій.

Напрасно мыслилъ рдяный Аполлонъ
Свести къ струнѣ—что хочетъ жить въ свирѣли,
Въ Пиѳейскихъ играхъ это мы прозрѣли.

И если любимъ звѣздный небосклонъ,
Мы любимъ вихри звѣздъ въ ночной мятели,
И мигъ верховный—въ нашей страсти—стонъ.

ЗОВЫ.

Есть синій пламень въ тлѣющей гнилушкѣ,
И скрытность красныхъ брызгъ въ нѣмомъ кремнѣ,
Огни и звуки разны въ тишинѣ,
Есть мѣдь струны, и мѣдь церковной кружки.

„На бой! На бой!“ грохочутъ эхомъ пушки.

„Убей! Убей!“ проходитъ по Войнѣ.

„Усни! Усни!“ звенить сосна къ соснѣ.

„Люби! Люби!“ чуть слышно на опушкѣ.

„Ау!“ кричу, затерянный въ лѣсахъ.

„Ау!“ въ отвѣтъ кричитъ душа родная.

„Молись! Молись!“ глубокой шепчетъ страхъ.

Я звукъ. Я слухъ. Я глазъ. Я мысль двойная.
Я жизнь и смерть. Я тишь. Я громъ въ горахъ.
И тѣнь бѣжить, меня перегоняя.

ОРХИДЕЯ ТИГРИНАЯ.

Въ закрывѣ, въ скровѣ, пламень безглагольный,
Дню не молясь, обуглится до тла,
Перегоритъ, вдали отъ пѣсни вольной.

Въ тюрьмѣ лишь отъ угла и до угла
Весь путь того, къ кому черезъ рѣшотку
Глядитъ Луна, а больше смотреть мгла.

При встрѣчѣ долженъ издали трещотку
Чумной завихрить пѣсней кастаньетъ,
Проказа—чу!—за четкой нижесть четку.

Въ безуміи страшить любой предметъ.
Я въ мірѣ сплю и чую орхидею,
На стволъ чужой, смѣясь, ползеть расцвѣтъ.

Я вижу все. И разумомъ сѣдью.

СГЛАЗЪ.

„...Люди съ лицами вороновъ...“
Халдейская Таблица.

1.

Чуть гдѣ онъ всталъ,—вдругъ смѣхъ и говоръ тише.
Безъ рукъ, безъ ногъ пришелъ онъ въ этотъ міръ.
Пріязные его—лишь птицы дыръ,
Чье логово—среди расщелинъ крыши.

Летучія они зовутся мыши,
И смерти Солнца ждуть: Мигъ тьмы—имъ пиръ.
Но чаще онъ—невидимый вампиръ,
И стережетъ—хотя-бъ въ церковной нишѣ.

Пройдешь,—не предувѣдомленъ ничѣмъ,—
Вдругъ на тебя покровъ падетъ тяжелый,
И съ милыми ты будешь глухъ и нѣмъ.

Войдетъ незримъ,—и домъ твой сталъ не тѣмъ.
Недоумѣнъ, твой духъ сталъ зябкій, голый.
Онъ въ міръ пришелъ—самъ не узналъ зачѣмъ.

2.

А если въ томъ, что вотъ я пью и ѣмъ,
Хочу, стремлюсь, свершаю въ дняхъ стяжанье,
Сокрыть отвѣтъ на голосъ вопрошанья?
Я созидаю зубъ, и клыкъ, и шлемъ,—

Бѣсовскій плащъ, и пламень діадемъ
Верховныхъ духовъ,—весь вхожу въ дрожанье
Скрипичныхъ струнъ, въ гудѣнье и жужжанье
Церковныхъ звоновъ,—становлюсь я всѣмъ.

А если всѣмъ, тогда и крикомъ, стономъ
Убитыхъ жертвъ, змѣей, хамелеономъ,
Любой запѣвкой въ перепѣвахъ лиръ.

И не сильнѣй ли всѣхъ огней алмаза
Законность притяженья въ чарѣ сглаза,
Когда скользятъ беззвучно птицы дыръ?

ЧЕРНОЕ ЗЕЛЬЕ.

Черное зелье въ лѣсу расцвѣло,

Клонится бѣлый прикрыть.

Волчьи глаза засмѣялись свѣтло,

Сонъ не одинъ догоритъ.

Кто-то зачѣмъ-то болотомъ идетъ,

Кто-то ползеть изъ норы.

Два полудуха, сдержавши полетъ,

Съ вѣдьмой играютъ въ шары.

Шаръ упадетъ, загорится гроза,

Дьявольскій свѣтится кустъ.

Ягоды—точно слѣпые глаза,

Воздухъ кругомъ него густъ.

ЧЕРНОКНИЖІЕ.

Едва качнулъ онъ лѣвою рукой.
Взглядъ косвенный зеленыхъ глазъ былъ острый.
Нарядъ его Восточно дорогой

Былъ змѣвидный и двуцвѣтно-пестрый.
Чуть правую ногой протопотавъ,
Онъ тихо вскрикнулъ: „Сестры! Сестры! Сестры!“

И вотъ явились. Женщина-Удавъ,
Дѣвица-Клинъ, и Старое Долбило.
Всѣ три въ вѣнцахъ изъ чернобыльскихъ травъ.

Не расскажу всего, что дальше было.
Заключеніе изъ трехъ старинныхъ словъ
Шепнувъ, двуцвѣтный взялъ свое кропило.

Сгустились громы въ дымъ облаковъ.
Пришлицъ обнялъ онъ поочередно,
И звонъ возникъ тринадцати часовъ.

Весной никакъ нельзя любить бесплодно.
И полной стала Женщина-Удавъ,
Въ ней десять лунъ мелькали хороводно.

Дѣвица-Клинь, чтобъ оправдать свой нравъ,
Хрусталь стола толкнула и разбила,
И радуга зажглась въ вѣнцахъ изъ травъ.

Объемной пастью Старое Долбило
Излила кровь, и мракъ сталъ грязно-алъ.
Въ громахъ явилось новое страшило.

И мѣрь увязъ въ несчетности зеркаль.

ПОМѢСТЬЕ.

Знаю я старинное помѣстье.

Три хозяйки въ немъ, одинъ Хозяинъ,
Видъ построекъ тамъ необычаенъ,
И на всемъ лежитъ печать безчестья.

На конюшнѣ нѣтъ коней, а совы,
По хлѣвамъ закованные люди,
Ихъ глаза закрыты словно въ чудѣ,
На тѣлахъ кровавые покровы.

Никогда здѣсь нѣтъ сіянья Солнца,
Здѣсь не слышенъ голосъ человѣчій.
Сальныя, заплывши, смотрять свѣчи
Сквозь кружокъ чердачнаго оконца.

На сто верстъ идутъ глухіе боры,
Не пробьется въ чащѣ даже буря.
Лѣшій, бровь зеленую нахмуря,
Самъ съ собой заводитъ разговоры.

Покряхтитъ, подумаетъ, и ухнетъ,
Поглядитъ, и свалитъ дубъ широкій.

А въ дому Хозяинъ сѣдоокій
Вмигъ бадью въ колодець старый рухнетъ.

Зачерпнетъ внизу воды зацѣтшей,
На земь головастиковъ уронить,
И какъ будто что-то похоронить,
И вздохнетъ о радости прошедшей.

Вдругъ ухватить младшую хозяйку
Весь нелѣпый, взбалмошный Хозяинъ,
Въ мигъ возрожденъ и чрезвычайенъ,
И велитъ играть съ собою въ свайку.

Старья опять краснѣютъ губы,
Свайка замыкается въ колечко,
Тѣнь встаетъ уродца-человѣчка.
Ахъ, въ помѣстьи игры жутко-грубы.

И пойдетъ по гульбищамъ древеснымъ,
Поползетъ по зарослямъ сплетеннымъ
Гуль существъ, какъ будто звономъ соннымъ
Возстонавъ о чемъ-то неизвѣстномъ.

Заскрипятъ по всѣмъ хлѣвамъ засовы,
И съ тремя хозяйками Хозяинъ,
Хоть молчить, но видомъ краснобаенъ,
И въ шуршаньяхъ красные покровы.

ПРЕДЪЛЪ.

Скрипъ половицы,
Ночью безсонной,
Въ домъ пустомъ.
Въ памяти звонной
Тлѣютъ страницы,
Томъ догорѣлъ.
Мысль увидала
Тлѣніе крыши,
Рухнетъ весь домъ.
Зубы у мыши
Остры какъ жало.
Это — предѣлъ.

ИЗЪ ПОДЗЕМЕЛЬЯ.

Она пришла ко мнѣ изъ подземелья,
Ничѣмъ изъ міра сновъ не смущена,
Всегда пьяна, безъ тяжести похмѣлья.

И прошипѣла: Я твоя жена.
Я посмотрѣлъ съ глубокимъ отвращеньемъ,
Не вѣря въ то, что молвила она.

Она, моимъ не тронувшись смущеньемъ,
Приблизилась и подступила вплотъ,
Вѣдовскимъ отдаваясь превращеньямъ.

Ихъ дважды видѣть—сохрани Господь.
То грузный червь, то злая обезьяна,
То ликъ Яги, то вздущаясь плоть.

Она вставала бѣсомъ изъ тумана,
Съ глазами на затылкѣ, а къ челу
Двѣ лампочки придрѣлавъ для обмана.

Вдругъ раздвоясь, кружилась на полу,
Дрались другъ съ другомъ эти половины,
И обѣ выдыхали чадъ и мглу.

Изливши кровь, казала ликъ ослиный,
И пожирала розы безъ конца,
Дудѣла въ трубку, била въ тамбурины.

Закрывъ всю стѣну шкурою лица,
Разъявъ ее на мерзостныхъ распяльцахъ,
Изъ череповъ два сдѣлала вѣнца.

Перстнями гады съежились на пальцахъ,
Въ глазныхъ щеляхъ, въ лоханкѣ ихъ двойной,
Плясали мухи, словно въ узкихъ зальцахъ.

Я понялъ, что обвинчанъ я съ Войной.

ВИХРИ.

Въ вѣдовскій часъ тринадцати часовъ,
Когда несутся оборотни-стриги,
Я увидалъ, что буквы Древней Книги
Налившіяся ягоды лѣсовъ.

Нависли кровью вихри голосовъ,
Звенѣли краснымъ бѣшеные миги,
Перековались въ острый ножъ вериги,
Ворвались въ ночь семь миллионовъ псовъ.

А въ это время мученики-люди,
Семь миллионовъ страждущихъ людей,
Другъ съ другомъ бились въ непостижномъ чудѣ.

Закрывъ глаза, раскрывъ для вихрей груди,
Неслись, и каждый, въ розни вражьихъ силъ,
Одно и то же въ смерти говорилъ.

ЗЕЛЬЯ.

Я знаю много ворожащихъ зелей.
Есть вѣдьминъ глазъ, похожій на луну,
Общипанную въ дикій часъ веселій.

Есть одурь, что къ густому клонить сну,
Какъ сусло, какъ болотная увяза,
Гдѣ, утопая, не приходишь къ дну.

Есть лихосмѣхъ, въ его цвѣткахъ проказа.
Есть волчій вздохъ. Есть заячій ознобъ.
Рябины бусы хороши отъ сглаза.

Для сглаза же отрыть полезно гробъ,
Въ могилѣ, гдѣ положена колдунья,
И щепку въ овсяной протиснуть снопъ.

Ту гробовую щепку, въ Новолунье,
Посѣй въ лугахъ, прибавь чуть-чуть огня,
Взростеть трава, которой имя лгунья.

Падежь скота, оскаль зубовъ коня,
Дыбъ лошадиный, это все сестрицъ
Травинки той, что свѣтъ не любить дня.

Вотъ конница, всѣ кони легче птицы,
Но только лгуньи поѣдятъ въ лугахъ,
Бѣгутъ вразбродъ и ржутъ ихъ вереницы.

Изъ тысячъ конскихъ глотокъ воетъ страхъ,
Подковы дрябнуть, ноги охромѣли,
Оскаль зубовъ—какъ ранній снѣгъ въ горахъ.

Я знаю много, очень много зелій.

ЗАГОВОРЪ О КОНЯХЪ.

Глубокій слѣдъ. Пробитый слѣдъ. Округлый слѣдъ коня.
Въ игрѣ побѣдъ мнѣ дорогъ слѣдъ. Завѣтъ въ немъ для
меня.

Возму струю. Въ него пролью. Возму струю отравъ.
Гдѣ вихрь погонь? Онъ хромъ, твой конь. Горить огонь
межъ травъ.

И сто коней, циклонъ коней, гей, гей, коней твоихъ,
Сгорѣль, смотри, въ лучахъ зари. Бери враговъ, мой
стихъ.

БѢГЪ.

Песокъ вскипалъ. За мною мчались Мавры.
Но легокъ былъ мой черноокой конь,
И въ этой зыби бѣга и погонь
Горѣли мм какъ быстрые кентавры.
Мнѣ чудилось—въ вискахъ гремятъ литавры,
О, кровь моя! Кипи! Колдуй! Трезвонь!
Я мчусь какъ духъ. Лечу какъ вѣдогонь.
Какъ вѣтеръ, въ чьемъ волненьи блещутъ лавры.
Уклонныхъ горъ, кривясь, разъялась пасть.
Во мнѣ не страхъ, а хохоть и веселье.
Во мнѣ полеть и плясь и вихрь и страсть.
Въ крови коня ликуеть то же зелье.
Лечу. Летимъ. Хоть въ Адъ на новоселье.
Лишь только бѣ въ руки вражьи не попасть!

ЦАРЕВИЧЪ ИЗЪ СКАЗКИ.

Я былъ царевичемъ изъ сказки,
Всѣхъ мимоходомъ могъ любить,
И отъ завязки до развязки
Вель тонко-шелковую нить.

Хотѣлъ громовъ, мнѣ были громы,
Хотѣлъ мечты, плыла Луна,
И въ голубые водоемы
Лилась отъ Бога тишина.

Но, мѣръ по прихоти цѣлуя,
Я встрѣтилъ бѣлаго коня,
Его причудливая сбруя
Вдругъ озадачила меня.

Чтобы горячій звѣрь, который
Огню и бурѣ побратимъ,
Въ такіе былъ одѣтъ уборы,
Онъ, чей порывъ неукротимъ.

Глаза газели, грудь дѣвицы,
И шея лебеда, а хвостъ
Металь іюльскія зарницы
И огнепыль падучихъ звѣздъ.

А перепѣвный звонъ подковы,
Обутыхъ въ звукъ руды копыть,
Быль вѣчно-старый, вѣчно-новый,
Какъ стебель, вставшій изъ-подъ плить.

И на такомъ-то, виѣ закона
И виѣ сравненья, сканунѣ
Кроваво-красная попона
Уродствомъ показала мнѣ.

На этомъ дивѣ превосходства,
Кому межъ звѣздъ была тропа,
Сѣдло являло съ гробомъ сходство,
Подвѣски были черепа.

А кто въ сѣдлѣ, понять нельзя мнѣ,
Нельзя мнѣ было въ мигъ чудесь:—
Закрывъ глаза, я легъ на камни,
Открылъ глаза, а конь исчезъ.

Лишь перепѣвную подковой
Звенѣлъ онъ гдѣ-то вдалекѣ.

И вотъ ужь ниткою суровой
Сталь тонкій шелкъ въ моей рукѣ.

Ужь не царевичъ я медвяный,
Я бѣдный нищій на пути,
Не знающій, въ какія страны
За подаяніемъ идти.

Мнѣ сказки больше незнакомы,
Лишь греза молится одна,
Чтобъ въ голубые водоемы
Лилась отъ Бога тишина.

УПРЯМЕЦЪ.

Въ бывое время аистъ приносилъ
Малютокъ для смѣющихся малютокъ.
Вся жизнь была изъ сказочекъ и шутокъ,
И много было кедра для стропиль.

Курились благовонья изъ кадилъ
Весь круглый годъ въ круговращеньи сутокъ.
Я самъ сложилъ довольно прибаутокъ,
Звенѣлъ для душъ, и медъ и брау пилъ.

А нынѣ что? Въ рычаньи шумовъ ярыхъ
Лишь птицы мести могуъ прилетать.
Душа людей тоскующая мать.

Вся мысль людская въ дымахъ и пожарахъ.
И лишь упрямецъ, все любя зарю,
Съ ребенкомъ я ребенкомъ говорю.

САМОРАЗВѢНЧАННЫЙ.

Онъ былъ одинъ, когда читалъ страницы
Плутарха о герояхъ и богахъ.
Въ Египтѣ, на отлогихъ берегахъ,
Онъ вольнымъ былъ, какъ вольны въ летѣ птицы.

Многоязычны были вереницы
Его враговъ. Онъ далъ имъ вѣдать страхъ.
И, дрогнувъ, страны видѣли размахъ
Того, кто къ Солнцу устремилъ зѣницы.

Ни женщина, ни другъ, ни мысль, ни страсть
Не отвлекли къ своимъ, къ инымъ уклонамъ
Ту волю, что себѣ была закономъ,—

Осуществляя солнечную власть.
Но, павъ, онъ палъ—какъ только можно пастъ,
Тотъ человѣкъ, что былъ Наполеономъ.

СОСРЕДОТОЧІЕ.

Мнѣ нравится спокойно говорить,
Тамъ въ сердцѣ средоточье бурь качая,
На сжатые рукъ лишь взглядомъ отвѣчая,
Прося распутать спутанную нить.

Не слишкомъ-ли легко кричать, громить,
Всю тишину, отъ края и до края,
Будя, дробя, волнуя, разрывая,—
Не лучше-ли разъятость единить?

Художникъ любить дѣлать то, что трудно:—
Плотиной сжать свирѣпый ходъ морей,
Пригоршней зеренъ вызвать шумъ стеблей,—

Заставить пыль свѣтиться изумрудно,
Велѣть лѣсамъ, чтобъ пѣли многогудно:—
Не это ли есть волшебство царей?

ДВА БОГА

Тецкатлипока, съ именемъ мудренымъ,
Былъ въ Мексикѣ дразнитель двухъ сторонъ,
Влюбленникъ стрѣль, набѣговъ, оборонъ
И плясокъ боя по обрывнымъ склонамъ.

Съ побѣдой ли, съ тяжелымъ ли урономъ,
Но биться, бить, сражаться, сѣять стонъ,
На лонѣ многократныхъ похоронъ
Быть новыхъ битвъ неистощимымъ лономъ.

Но возлѣ горъ, гдѣ зоркій Нагуатль,
Ацтекъ, взростилъ колючія магеи,
Гдѣ кактусы узлять клубки какъ змѣи,—

Вода морей, чье имя нѣжно, Атль,
Поеть, что, расцвѣтившій орхидеи,
Красивъ змѣиный богъ Кветцалькоатль.

ПСАЛОМЪ ЗЕМЛИ.

Я слышу, какъ вдали поетъ псаломъ Земли.
И люди думаютъ, что это на опушкѣ
Подъ пѣнье звонкихъ птицъ костерь любви зажгли.
И люди думаютъ—грохочутъ гдѣ-то пушки.
И люди думаютъ, что конница въ пыли
Сметаешь конницу, и сонмы тѣль легли
Заснуть до новаго рыданія кукушки.
И льнуть слова къ словамъ, входя въ псаломъ Земли.

ИСКРЫ ТАЙНЪ.

Будутъ планеты проходить въ своихъ орбитахъ.

Будетъ комета. И новая Луна.

Полчища маленькихъ раковинъ разбитыхъ

Снова принесетъ намъ океанская волна.

Въ дняхъ измельчить ихъ движенье влаги буйной.

Въ дняхъ измельчить ихъ—ихъ повторный поцѣлуй.

Дни ихъ источать въ той пляскѣ поцѣлуйной.

Вотъ лежатъ песчинки. Прибрежный вихрь, ликуй.

Въ зыбяхъ песчаныхъ, какъ золотомъ обитыхъ,

Догоранья Моря, мерцаній строй и рядъ,

Грезы предѣльныя раковинъ разбитыхъ,

Искры тайнъ подводныхъ въ послѣдній разъ горять.

КЛУБОКЪ.

Я взялъ клубокъ, но не подозрѣвая,
Что будетъ нить прястись сама собой
Въ узоры алый, желтый, голубой.
Клубокъ скользнулъ, въ немъ власть была живая.

И къ нити нить мечтой перевивая,
Закрывъ глаза, стоялъ я какъ слѣпой.
Узоръ къ узору шелъ на перебой,
Означилась вся повѣсть огневая.

Вдругъ захотѣлъ я отшвырнуть клубокъ,
Но самъ упалъ, растерянный, разбитый.
И, вставъ, прочелъ рѣшенье рдѣвшихъ строкъ:—

Ты окруженъ неотвратимой свитой,
И будешь прясть, доколѣ, изъ минутъ,
Часы твой праздникъ бѣлый не сплетутъ.

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ.

Если хочешь улыбнуться, улыбнись.
Хоть не хочешь обмануться, обманись.
Хочешь птицей обернуться, прыгай внизъ.
Пропасть съ пропастью на днѣ звеномъ сошлись.

Ты надъ жизнью посмѣешься, весь шутя.
Ты въ Безвѣстность оборвешься, не грустя.
Ты въ Невѣдомомъ проснешься. И хотя
Въ жизни жилъ ты, вновь ты встанешь какъ дитя.

Только, если, самовольство возлюбивъ,
Возмечтавъ, что въ недовольствѣ ты красивъ,
Ты проснешься, заглянувши за обрывъ,
Будешь падать, форму формой замѣнивъ.

Будешь падать. Будешь падать ты. И лишь
Отдохнешь, опять въ паденіи сгоришь.
Вѣкъ за вѣкомъ будешь падать въ громъ и въ тишь.
И на томъ же мѣстѣ то же совершишь.

СОНЪ.

Спустившись внизъ, до влаги я дошелъ.
Вода разъялась предо мной беззвучно,
Какъ будто ей давно ужъ было скучно
Ждать страннаго. Лишь малый произволь
Въ играньи силъ,—сомкнулась влага снова,
Меня отъявъ отъ воздуха земного.
И шель я, не дивясь инымъ мірамъ.
Я проходилъ въ томъ бытіи подводномъ,
Смотря, какъ вьются въ танцѣ хороводномъ
Видѣнья сновъ, какъ съ ними вьюсь я самъ.
А надъ громадой водъ ненарушимыхъ
Свѣтила намъ плывущая Луна.
И я узналъ, скользя въ сквозистыхъ дымахъ,
Что тѣнь любимой мнѣ всегда вѣрна,
Узналъ, что въ безднѣ дней неизслѣдимыхъ
Душѣ поможетъ жить любовь одна.

ПЛИТА.

Нѣмая вѣтви сонъ мой закачали,
Цвѣтами доходя изъ темноты,
Кажденіемъ изъ дыма и печали,—

Видѣніемъ изъ дальнихъ дней, гдѣ ты,
Куда ужъ больше досягнуть нельзя мнѣ,
Гдѣ я съ тобой лишь въ зеркалѣ мечты,—

Безвѣстный знакъ на придорожномъ камнѣ.

МОЙРЫ.

Ты вела меня спокойно. Ты вела и улыбалась.

Уходила, усмѣхаясь, въ неизвѣстныя поля.

На краю пути былинка еле зрима сгибалась.

Вѣтерокъ неуловимый рѣялъ, прахомъ шевеля.

Я оставилъ домъ родимый, гумна, мельницу, амбары,

Золотыя сгроможденья полновѣснаго зерна.

Всѣ отъ раннихъ миговъ дѣтства сердцу вѣдомыя чары,

Вотъ за мной зима и осень, юность, лѣто, и весна.

Предо мной единодневность, вѣкъ привычныхъ сдвиговъ
года.

Вѣкъ закона тяготѣнья по землѣ иду легко.

Но не радуется сознанье совершенная природа,

Ухо ловитъ звуки пѣнья, тамъ, родного, далеко.

Пѣснопѣнія успенья, равномерный звонъ кадила,

Воплощался въ цвѣтъ лиловый благовонный ѳиміамъ.

И полянами фіалокъ ты беззвучно уходила,

И потокомъ водопаднымъ свѣтъ лился по сторонамъ.

Но предъ страннымъ косогоромъ я застылъ въ недвижномъ
страхѣ:—

Вотъ, такія, какъ и снились, ткуть, прядутъ, число
ихъ три.

Это Норны, это Мойры, это Парки, Пряхи, Пряхи,
Это Судьбы, Суденицы, на пожарищахъ зари.
Замыслительницы роковъ, и ваятельницы далей,
Восприемницы-ткачихи волоконца безъ конца,
Въ угаданіяхъ зачатій, приговорщицы ордалій,
Испытующія чувствомъ воспаленныя сердца.
Очи юны, кудри стары, нити, нити, пряжа, пряжа,
Ткань нисходитъ океаномъ, въ каждой каплѣ есть
зрачокъ.
Смотритъ пѣна, смотрятъ волны, и въ высокомъ небѣ
даже
Вмѣсто Солнца глазъ глядящій, блѣдный Мѣсяць—
блѣдный Рокъ.
Безграничная всезрящность, всеобъемность шаткой ткани,
Облекла мое сознанье въ многоликій душный склепъ.
И опять мнѣ захотѣлось быть въ незнаньи, быть въ
обманѣ,
И, склонясь предъ младшей Мойрой, я, закрывъ
глаза, ослѣплъ.
А когда глаза раскрылись, чья-то тѣнь ушла безшумно,
И дрожащими руками тщетно я искалъ тебя.
Я подъ ивою плакучей. Вижу садъ, амбары, гумна.
Зыбко вижу и не вижу, какъ мнѣ жить, Любовь
любя.

ДОВѢРІЕ.

Когда я думаю, что страшный ликъ уродца
Былъ первымъ мигомъ здѣсь для Винчи, какъ для всѣхъ,
Я падаю въ провалъ бездоннаго колодца,
А вслѣдъ за мною крикъ и судорожный смѣхъ.

Смѣется надо мной сто тысячъ духовъ страсти,
Которымъ подчинюсь, когда придетъ мой часъ,
Въ болотцѣ посмотрю, какъ вьется головастикъ,
Уборамъ жизнью всѣхъ косою колдуетъ глазъ.

Мнѣ странно-жутко знать, что даже четки, зерна
Моей любимой ржи, дающей черный хлѣбъ,
Должны искать низинъ, чтобъ въ тлѣніи упорно
Сплести зеленяя взнесенности судьбы.

Но также вѣдаю, что въ золотые слитки
Умѣю перелить землистую руду,
И апокалипсисъ читая въ длинномъ свиткѣ,
Я въ храмъ моей души не сѣтуя иду.

Пахучей миррою, богатымъ духомъ нарда
Восходить ладанъ мой довѣрія къ Судьбѣ.
Кто я, чтобъ лучше быть, чѣмъ былъ здѣсь Ліонардо?
Земля родимая, вся мысль моя—тебѣ.

АМА NESCIRI.

Люби не знать, и не звенѣть ничѣмъ.
Ни торжествомъ. Ни именемъ высокимъ.
Ни подвигомъ. Будь лучезарно-нѣмъ.
Ночнымъ будь Небомъ, тихимъ и стоокимъ.
Полдневнымъ часомъ. Солнечнымъ лучомъ,—
Что видитъ все, не мысля ни о чемъ.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Меня зовутъ отшельникомъ-дендритомъ.
Покинувъ жизнь, гдѣ всюду цѣпко зло,
Замкнулся я въ древесное дупло,
Оно мнѣ стало церковью и скитомъ.

Я здѣсь стою въ молчаньи нарочитомъ,
Торжественномъ. Полсотни лѣтъ прошло.
Смотря на міръ, какъ въ дымное стекло,
Я мыслю въ дровѣхъ, молніей разбитомъ.

Какъ мнѣ назвать его, не знаю я.
Зачѣмъ мнѣ знать названіе пріюта,
Гдѣ здѣшняя моя пройдетъ минута?

Къ дуплу порою приползетъ змѣя,
Двуругимъ языкомъ мелькнетъ по краю.
Молитвою—ее я прогоняю.

УЖЬ ПОЛНО.

И гнался я на поприщахъ гонитвы,
И видѣлъ кровь на остріѣ копья,
И вѣдалъ радость молвить: „Первый—я“,
И знаю весь размахъ побѣдной битвы.

И въ новыя пускался я ловитвы,
Опять весной я слушалъ соловья,
Но вы, къ кому вся эта рѣчь моя,
Видали ли когда безгласный скитъ вы?

Молитву возлюбивъ какъ благодать,
Всецѣло отрицаясь своеволя,
Ночь тихую избрать себѣ какъ мать.

Уйти. Войти. Пусть въ башню. Пусть въ подполье.
Ужь полно мнѣ скитаться и блуждать.
Я здѣсь свѣча, въ святынѣ богомолья.

ПОДВИЖНАЯ СВѢЧА.

Не обольщусь предъ Богомъ Сатаню,
Мой Богъ есть Богъ, и низокъ Сатана.
Межь мной и адскимъ пламенемъ стѣна,
А пламень мой, мой чистый огонь, удвою.

Не поклонюсь лукавцу Громобою,
Иная Богомъ молнія дана.
Мальстрёмныя воронки есть безъ дна,
И вихри есть съ отрадой дождевою.

Не вовлекусь въ кружащійся мальстрёмъ.
Мнѣ шлетъ псалмы мой верховодный громъ.
А если въ ярыхъ пламенахъ основа,—

Я нижніе тѣ пламени скую,
И, какъ свѣчу, я душу мчу мою
Въ рукъ Архистратига Огневого.

ПРЕВОЗМОГШАЯ.

Хочетъ меня Господь взять отъ этой
жизни. Не подобно тѣлу моему въ не-
чистотѣ одежды возлечь въ нѣдрахъ
матери своей земли.

Боярыня Морозова.

Омывъ свой ликъ, весь обликъ свой тѣлесный,
Я въ бѣлую сорочку облеклась.
И жду, да закруглится должный часъ,
И отойду изъ этой кельи тѣсной.

Нѣтъ, не на басняхъ подвигъ проходилъ,
Нѣтъ, полностью узнала плоть мытарства.
Но, восхотѣвъ небеснаго боярства,
Я жизнь сожгла, какъ ладанъ для кадилъ.

Отъ нищихъ, юродивыхъ, прокаженныхъ,
Не тѣхъ, кто здѣсь въ нарядной лѣпотѣ,
Отъ гнойныхъ, но родимыхъ во Христѣ,
Я научалась радости сожженныхъ.

И пламень свѣчь въ моемъ дому не гасъ.
Не медлила я въ пышныхъ вереницахъ.
Но сиротамъ витать въ моихъ ложницахъ
Возможно было каждый мигъ и часъ.

Но встала я за старину святую,
За правило ночное, за Того,
Къ Кому всю роспись дѣла моего
Вотъ-вотъ снесу, какъ чаю я и чую.

За должное сложеніе перстовъ,
За вѣрное несломанное слово,
Мнѣ ярость огнепальная царева
Какъ свѣтъ, чтобъ четко видѣть путь Христовъ.

Въ вѣкахъ возникши правильной обѣдней,
Здѣсь въ земляную ввержена тюрьму,
Я всю дорогу вижу черезъ тьму,
И я уже не та въ свой часъ послѣдній.

Минуты службы полностью прошли.
Въ острогъ, и обернута рогожей,
Зарыта буду я. О, Сыне Божій!
Ты дашь мнѣ встать изъ матери-земли.

СВЯТЫЙ БОЖЕ.

Святой Боже,
Святой крѣпкій,
Святой безсмертный,
Помилуй насъ.
Трисвятая
Эта пѣсня
Душѣ явилась
Въ великій часъ.
Тамъ, въ Царьградѣ,
Въ часъ, какъ съ Прокломъ
Толпа молилась,
Земля тряслась.
Юный отрокъ,
Духомъ чистымъ,
Вознесся къ Небу,
И слышалъ гласъ.
Святой Боже,
Святой крѣпкій,
Святой безсмертный,
Помилуй насъ.

Въ Небѣ ангель
Пѣль съ другими,
Сіяли хоры,
Горѣлъ алмазь.
Юный отрокъ
Всѣмъ повѣдалъ
И пѣснь отвѣтно
Съ земли неслась.
Чуть пропѣли,
Стало тихо,
Земля окрѣпла
Въ великій часъ.
Святой Боже,
Святой крѣпкій,
Святой безсмертный,
Помилуй насъ.

МОЛИТВА КАЖДАГО ДНЯ.

Мнѣ дорого простое сочетанье
Немногихъ словъ и крѣпкая ихъ вязь,
Гдѣ тонетъ грѣхъ, безсилѣетъ страданье,
И гдѣ невластенъ Бездны темный Князь.

Благодарю Тебя, Великій, Сильный,
Дремавшій на тонувшемъ кораблѣ,
Меня понявшій въ часъ мой самый пыльный,
Меня принявшій, бывшаго во злѣ.

Насущный хлѣбъ я каждый день имѣю,
И день есть дней, со звономъ брачныхъ чашъ.
Мечта Господня. Какъ легко мнѣ съ нею.
Я каждый день читаю Отче Нашъ.

БѢЛОЕ ВѢЯНИЕ.

Кто, бѣлый, тамъ идетъ отъ насъ?
Проблагоговѣстиль звѣздный часъ.
И Мать ушла, Ушелъ Отецъ.
На немъ, на ней—одинъ вѣнецъ.

Уходитъ въ небо ликъ снопа.
Сквозь вечеръ слышенъ стукъ цѣпа.
Зерно къ зерну, молотить цѣпъ.
Посѣвъ и жатва—путь судебъ.

Какъ нѣженъ этотъ духъ тепла,
Овинъ. Гумно. Луна взошла.
Благословенье, Свѣтлымъ, вамъ,
Что къ вышнимъ отошли полямъ.

НѢТЬ МѢСТА ТРЕВОГЪ.

НѢть мѣста тревогъ. НѢть мѣста унынію.

Коль самъ въ Мірсзданьи ты создалъ себя,

Взгляни же въ Бездонность, въ ту звѣздную, синюю,

И вѣрь въ свое сердце, свой подвигъ любя.

А если ты созданъ Другимъ, кто въ Безбрежности

Далъ каплѣ отдѣльность, а самъ—Океанъ,

Постигни, какой же исполненъ Онъ нѣжности,

Давъ къ правдѣ вернуться, пройдя чрезъ обманъ.

ПРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Два счастья, два тягучія страданья,
Рожденье и паденіе звѣзды.
Въ развитомъ свиткѣ долгой череды
Всѣ числа ждуть ключа для сочетанья.

Гдѣ ключъ? Гдѣ ключъ? Ты слышишь-ли рыданье
Глубинъ Огня съ потоками Воды?
Всѣхъ бѣлыхъ лунъ опять растають льды
Предъ зеркаломъ полночнаго гаданья.

Ключъ! Ключъ! Любовь есть первый вѣрный вскрикъ
Внѣмірности донесшееся пѣнье,
Журчащій громъ, взорвавшійся родникъ,—

Плѣнительность щемящаго влюбленья.
Но Смерть вѣрнѣй въ уладахъ уязвленья.
Приди съ ключомъ, всѣхъ чувствъ моихъ двойникъ!

ЗАВѢТРІЕ.

Смерть насъ въ дивное завѣтріе зоветъ,
Тамъ плывётъ видѣній свѣтлыхъ хороводъ.
Тамъ въ заоблачномъ слагаются хвалы
Передъ Тѣмъ, Кто видитъ дальше, чѣмъ орлы.

Здѣсь мы вихрями носимы, нѣтъ ихъ тамъ,
Здѣсь мятели намъ свирѣли по степямъ.
Тамъ завѣтріе въ цвѣты завѣтъ снѣга,
Море синее не точитъ берега.

Смерть насъ въ тихое завѣтріе возьметъ,
Тамъ есть музыка, что сладостнѣй, чѣмъ медь.
Тамъ есть свѣты, что свѣтлѣе нашихъ свѣчъ,
Нѣтъ разлуки, но всегда есть радость встрѣчъ.

ОКО.

Я Око всеобъемное. Во мнѣ
Стѣсненья горь. Ихъ темные уступы
Ведутъ въ проваль, гдѣ ключъ журчить на днѣ.

Мнѣ хлопья мглы—охваты и ошупы,
Какъ слизняки, что строятъ жемчуга,
И замыкаютъ ихъ въ свои скорлупы.

Рѣсничные для Ока берега
Земля внизу и сверху Звѣздомлечность,
Двѣ крышки гроба, вѣки, тѣнь врага.

Мой врагъ—предѣль. Мой взоръ уходитъ въ Вѣчность.
Предметное—лишь вѣхи для меня.
И я смотрю, считая быстротечность.

Все шире Глазь. Все больше въ немъ огня.
Когда-жь въ кострахъ пустотъ свой путь планеты
Пройдутъ, и кругъ свершатъ ночей и дня,—

Въ одинъ объемъ содвинутся всѣ свѣты,
Все будетъ—Око, зрящее себя
И въ пламени, гдѣ всѣ сгорятъ предметы,

Потонетъ Время, Вѣчность возлюбя.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ.

En esta vida todo es verdad...

Calderon.

1.

Я былъ на зиккуратахъ Вавилона,
Богъ Солнца жегъ меня своимъ лучомъ,
И, жрецъ, я препоясанъ былъ мечомъ,
А мой псаломъ былъ завываньемъ стона.

Я въ жаркомъ Кэми древняго закона
Былъ солнечникъ. И мыслилъ я. О чемъ?
О томъ, что Узури—судья съ бичомъ.
И звѣздный цѣпъ взвивался въ вихряхъ звона.

Я былъ вездѣ. Я древле былъ Варягъ.
Вся кровь моя есть красный путь къ Валгаллѣ.
И каждый мнѣ желаннымъ былъ какъ врагъ.

Я былъ жрецомъ на грозномъ теокалли.
И, дымный въ грудь вонзаль обсидіанъ.
Зачѣмъ, зачѣмъ вся кровь вѣковъ и странъ?

2.

Все въ мірѣ правда, въ мірѣ все обманъ.
En esta vida todo es mentira,
Y todo es verdad. Въ основахъ міра
Законъ разрыва намъ глубинно данъ.

Вмѣстишь-ли въ малой каплѣ Океанъ?
И да, и нѣтъ. Среди веселій пира
Безъ плача звонкой можетъ-ли быть лира?
Мостъ радугъ упирается въ туманъ.

Когда бы въ Океанѣ безграничномъ
Мы медлили, мы были бъ слитны съ нимъ.
А въ каплѣ брызги радугъ мы дробимъ.

Смѣемся мы и плачемъ въ маломъ личномъ.
Въ вертѣньи круга—радость и печаль,
Но въ высь ведетъ змѣиная спираль.

3.

Я не ропщу. Мнѣ ничего не жаль.
Я вижу брата въ сильномъ и въ убогомъ.
Я жертвой былъ и жертву взявшимъ богомъ.
Я сердце и пронзающая сталь.

Я близъ—родной души. Я духъ—и даль.
Я улыбаюсь, медля надъ порогомъ.
Застывъ, молюсь въ отъединеньи строгомъ.
Я вижу, какъ рубинъ течетъ въ хрусталь.

Я чувствую, я знаю, что за гранью
Предѣльнаго я вновь найду родникъ,
Гдѣ гранью изъ безграннаго возникъ.
Со всѣмъ моимъ приду туда, какъ съ данью.
Глянъ въ зеркало, и вѣрь его гаданью:—
На днѣ глубинъ преображень твой ликъ.

РАВНЫЙ ИСУ.

И былъ тотъ городъ Исъ всѣхъ свѣтлѣе городовъ и счастливѣе. Было въ немъ цвѣтовъ и благовоній въ изобиліи. Любились въ немъ такъ, какъ будто тѣла суть души.

И великая съ Моря волна затянула однажды морскою водой городъ Исъ, гдѣ онъ и донинѣ со всѣми своими башнями.

Изъ старинной лѣтописи.

1.

Зорки здѣсь люди издревле донесъ,
Каждая мысль обнажается,
Дашь талисманъ имъ,—усмотрятъ: „Не весь.
Что-то ты прячешь. Есть таинство здѣсь.“
Въ четкомъ черта завершается.

Каждое чувство утонченно здѣсь,
Каждый восторгъ усложняется.
Дашь имъ весь блескъ свой,—удержатъ: „Не весь.
Дай половину. Другую завѣсь“.
Солнечникъ въ вечеръ склоняется.

2.

Испанца видя, чувствую—онъ братъ,
 Хотя я Русскій и Полякъ стремленьемъ.
 Я близокъ Итальянцу звонкимъ пѣньемъ,
 Британцу тѣмъ, что Океану радъ.

Какъ Парсъ, душевной музыкой богатъ,
 Какъ Скандинавъ—гаданьемъ и прозрѣньемъ.
 Какъ Эллинь, изворотливъ ухищреньемъ,
 Мысль, какъ Индусъ, я превращаю въ садъ.

Лишь съ потонувшимъ въ блескъ словъ Французомъ
 Не чувствую душевной связи я,
 Красива по-иному рѣчь моя.

И все же связанъ крѣпкимъ я союзомъ
 Съ столицею, что въ свой водоворотъ,
 Свой ликъ храня, всѣ токи рѣкъ вберетъ.

3.

Мнѣ нравится учтивая прохлада,
 Съ которой умъ уму, свѣтясь, далекъ.
 Любой Французъ—кипящій зимно токъ,
 Но это также—свойство водопада.

Вскликъ дѣвушки въ любовный мигъ: „Не надо!“
 Въ ней стройность чувства вылилась въ зарокъ.

Изъ этого есть что то въ ритмахъ строкъ,
Въ которыхъ мысль условнымъ чарамъ рада.

Парижъ—твердыня формуль, теоремъ,
Въ изящномъ онъ доходитъ до Китая.
Гдѣ я кричу,—онъ, созерцая, нѣмъ.

Гдѣ я молчу,—потокѣмъ словъ блистая,
Онъ говорить. Искусствомъ весь плѣненъ,
Искусственность въ chef-d'oeuvre возводитъ онъ.

4.

Есть тонкая виѣстыдность совершенства
Въ какъ будто бы безстыдныхъ торжествахъ
Явленья плоти, въ умственныхъ пирахъ,
Ведущихъ смыслы словъ до верховенства.

Художникъ знаетъ ясное блаженство
Отобразить въ колдующихъ зрачкахъ
Нагое тѣло, весь его размахъ.
Свѣтъ творчества есть право на главенство.

Но въ этомъ также тонкій ядъ разлить:—
Кто видѣлъ тайну, тайну не забудеть.
Парижъ—цвѣтокъ, который вѣчно будетъ

Изъ лицъ, изъ словъ, улыбокъ, стѣнъ и плитъ

Струить намекъ, что звоны струнъ пробудить:—
Здѣсь тѣло въ духѣ цѣльнымъ сномъ горить.

5.

Парижъ, Paris, есть городъ, Ису равный,
А Исъ былъ древле нѣкій Свѣтояръ,
Онъ потонулъ, морскихъ исполненъ чаръ,
И сталъ въ умахъ легендой стародавной.

Здѣсь въ храмѣ гимнъ Изидѣ пѣлся плавный,
Миръ для богинь сталъ холоденъ и старъ,
Она ушла, корабль оставя въ даръ,
Онъ взять какъ гербъ столицей своенравной.

И до сихъ поръ морской чуть вѣетъ духъ
Надъ городомъ, что возлюбилъ измѣны,
Волна морей поетъ во всплескахъ Сены.

Звонъ серебристый, вкрадываясь въ слухъ,
Мерцаетъ въ рѣчи шелкомъ поцѣлуя,
Звѣзда морей все медлитъ здѣсь, колдуя.

6.

Паскаль. Бальзакъ. Бодлэръ. Вилье. Верлэнъ.
Колодець. Буря. Пропастъ. Перстъ нѣ. Пляска.
Скальпель. Циклонъ. Калѣянъ. Прозрѣнье. Сказка.
Пять факеловъ надъ станомъ сѣрыхъ стѣнъ.

Я чуюль—вами—общей доли плѣнь,
Вы вѣдали, что въ жизни боль завязка
Что красная скрѣпляетъ въ сѣромъ краска,
Что вертится веретено измѣнь.

Отъ бесконечно-малаго пробѣги
До бесконечно-грозныхъ величинъ.
Умъ—нищій. Умъ—верховный властелинъ.

Токъ вещества, застывшій въ стройной нѣгѣ.
Парижъ. Любовь. Ты вихрь включилъ во вздохъ.
Среди боговъ ты пятистрѣльный богъ.

7.

Парижъ есть стройная баллада,
Въ узоръ сплетенная кудель.
Но вдругъ въ Апрель
Завьется хмѣль,
И измѣняетъ обликъ сада.

Парижъ—законченный сонетъ,
Вся строгость бального наряда.
Но вдругъ отъ взгляда
Жжетъ услада,
И порванъ мѣрный мѣнуэтъ.

ИЗДРЕВЛЕ.

1.

Спокойная зеленая трава,
Вершины скаль, шатры небесь, лиловы.
Такія ткани часто носят вдовы.
А въ небосини тихія слова.

Неслышныя, лишь видныя едва,
Въ ней тучки, млѣя, рвутъ свои покровы.
Издревле ихъ сплетеня вѣчно новы,
Лишь сказкой ихъ любовь стеблей жива.

Клочокъ къ клочку, бѣлѣя, жметя плотно,
Уже не рвутъ они сквозную тканьъ,
А измѣняясь ткуть свои полотна.

Лавинный ходъ, снѣга, и бой, и брань.
Огонь къ огню стремится безотчетно.
Душа спала. Гроза грохочеть. Встань.

2.

Сквозь буквы молній, долу съ выси дань,
 Скользить псаломъ, онъ обернется громомъ.
 Два разныхъ рдѣнья стали водоемомъ,
 И звукъ дождя—какъ голосъ древнихъ нянь.

Усни. Проснись. Забудь. Не видь. Но глянь.
 Сѣдя Мойры грезять по изломамъ.
 Въ ненайденномъ блаженство, лишь въ искомомъ.
 Хоти. Цвѣти. Но, разъ расцвѣль, увянь.

Все тотъ же звукъ, сквозь пряжу дней, донынѣ.
 Сѣдя Мойры, здѣсь я слышу васъ,
 Вдыхая вздохомъ крѣпкій духъ полыни.

Вся радуга—въ тончайшей паутинѣ.
 Свѣтъ звѣздный живъ, когда въ поблекшій часъ
 Шаръ Солнца потонулъ въ морской пустынь.

3.

За краткій мигъ сердечной благостыни
 Приму, приму тягучіе часы.
 Я вѣрный пахарь черной полосы,
 Молельникъ и слуга лѣсной святыни.

Мнѣ сладко знать, что глуби неба сини,
 Что рожь моя исполнена красы,
 Что для моихъ коней взойдутъ овсы,
 Что золото есть въ горной сердцеви́нѣ.

Снуеть челнокъ, прядя мечту къ мечтѣ,
 Да маревомъ заполнятся пустоты.
 Когда меня впробоситъ Голосъ: „Кто ты?“,—

Я пропою на роковой чертѣ:—

„Я сумракъ тучки, полной позолоты,
 Цвѣтокъ, чья жизнь—кажденье Красотѣ.“

АДАМЪ.

Я богъ Атуму, Сушій, я былъ одинъ..
Атуму, богъ Солнцеграда, сотворитель
людей и дѣлатель... боговъ... Атуму,
Солнце ночное...

Египетская Запись.

1.

Адамъ возникъ въ Раю изъ красной глины,
И былъ онъ слѣпленъ Божеской рукой.
Но въ этомъ колдовалъ еще Другой,
И всѣ его стремленья не едины.

Такъ въ мѣрѣ все, отъ пламени до льдины,
Мѣняется. У кошки рѣзкій вой
Есть вскрикъ любви. И вѣтеръ круговой
Ломаетъ лѣсъ, а въ немъ поютъ вершины.

Но, если бы одна была струна,
Не спѣть бы ей Симфоніи Девятой.
И потому я—нищій и богатый.

Мнѣ Ева—бѣлокурая жена.
Но есть Лилить. Есть часъ въ ночи заклятый,
Когда кричитъ сова и мчитъ Война.

2.

Когда кричитъ сова и мчитъ Война
 Потоки душъ, одѣтыхъ разнымъ тѣломъ,
 Я, призракомъ застывши онѣмѣлымъ,
 Гляжу въ колодець звѣздъ, не видя дна.

Зачѣмъ Пустыня Міра создана?
 Зачѣмъ безгранный духъ прильнулъ къ предѣламъ?
 Зачѣмъ,—возникну-ль желтымъ или бѣлымъ,—
 Но тѣнь моя всегда вездѣ черна?

Я пробѣгаю царственные свитки,
 Я пролетаю сонмы всѣхъ планетъ,
 Но Да, ища, всегда находитъ Нѣтъ.

Магическіе выдумавъ напитки,
 Я вижу сны,—но въ этихъ безднахъ Сна
 Я знаю, что легенда намъ дана.

3.

Я знаю, что легенда намъ дана
 Во всемъ, что возникаетъ какъ явленье,
 Что правда есть, но лишь какъ обрамленье,
 Картина же—текучая волна.

Въ потокѣ все. Не медлитъ пелена.
 Ни атома, ни мига промедленья.

Любви хочу, но есть одно влюбленье,
Влюбленность, хмѣль, созданіе звена.

Я, передъ кѣмъ померкли исполины,
Я, таинства порвавшій всѣхъ завѣсъ,
Въ Двѣнадцати искусный Геркулесь,—

Въ одномъ и въ двухъ—я слабъ, какъ листь осины:—
Не есмь! Лишь всталъ,—ужь былъ, прошелъ, исчезъ,
Какъ изъясненье красочной картины.

4.

Какъ изъясненье красочной картины,
Задуманной не мною, а другимъ,
Какъ всплескъ, рожденный шорохомъ морскимъ,
Въ Любви и Смерти я лишь мигъ лавины.

Ни орлій летъ, ни громъ, ни голосъ львиный
Не чужды мнѣ. Въ вѣкахъ тоской томимъ,
Не разъ мнѣ Сатана былъ побратимъ,
И, какъ паукъ, спеталь я паутины.

Но лишь себя ловилъ я въ тотъ узоръ.
И для кого свои мѣняю лики?
Я протянусь какъ змѣйка повилики,—

Я растекусь ключомъ по срываю горь,
Но ликъ мой—рознь. Въ себѣ—я не единый.
Цвѣты—въ снѣгахъ. Цвѣты—ростуть изъ тины.

5.

Цвѣты—въ снѣгахъ. Цвѣты—ростуть изъ тины,
Но что нѣжнѣе въ безднахъ бытія,—
Купава-ли болотная моя,
Иль эдельвейсъ, влюбившій горь вершины?

И камыши, — когда среди трясины
Они шуршатъ,—тѣ шорохи струя,
Поютъ чуть слышно:—Слитны ты и я,
Когда умрешь. Дойди до сердцевины.

Смерть въ сердце поцѣлуешь. Смерть одна.
Вѣрнѣй Любви, объятъею необманнымъ,
Къ тебѣ прильнетъ, и будешь въ счастья странномъ.

Съ низинами сольется вышина. —
Но нѣтъ. Бѣгу Зимы, къ восторгамъ жданнымъ
Цвѣты цвѣтутъ, когда идетъ Весна.

6.

Цвѣты цвѣтутъ, когда идетъ Весна,
Весною виденъ ладъ всемірной связи,

Лягушки скачутъ весело по грязи,
Отъ жаворонковъ рдѣтъ вышина.

Тамъ сверху Кто-то смотритъ изъ окна,
Что Солнцемъ называется въ разсказѣ,
Тотъ взглядъ внизу сверкаетъ въ каждомъ глазѣ,
Весною каждый хочетъ жить сполна.

Умри? Зачѣмъ искать я Смерти буду,
Когда весь умираю я въ Любви.
Ищи Любовь. Слѣди. Гонись. Лови.

Къ смертельному здѣсь причастишься чуду.
Весна зоветъ, вольна, хмѣльна, пьяна.
И въ Осени намъ власть цвѣсти дана.

7.

И въ Осени намъ власть цвѣсти дана,
Когда мы Смерть съ Любовью обвѣнчаемъ.
Горитъ весь лѣсъ. За отдаленнымъ краемъ
Его владѣній—чу!— гудитъ струна.

Какая въ этомъ рдѣнии глубина,—
Такъ краски не горятъ веселымъ Маемъ.
И пусть печалью часъ утратъ терзаемъ,—
Безъ Осени вся наша жизнь бѣдна.

Лишь Осенью, въ канунный мигъ отлета
Заморскихъ птицъ, мы слышимъ журавлей.
И любимъ мы. И съ нами плачетъ Кто-то.

И любимъ мы. Больнѣе. Все больнѣй.
Цвѣтутъ огнемъ—послѣднія куртины.
И сказочный расцвѣтъ кристалла—льдины.

8.

И сказочный расцвѣтъ кристалла— льдины,
И сказочень нѣмой расцвѣтъ снѣговъ,
Когда мельканье бѣлыхъ мотыльковъ
Наложить власть молчанья на равнины.

Чьи кони мчатся? Бѣлы эти спины
И гривы ихъ. Чуть слышенъ звукъ подковъ
То тутъ, то тамъ. Безуменъ свѣтъ зрачковъ
Тѣхъ конскихъ глазъ. Тотъ шабашъ лошадиный.

Очей бѣлесоватыхъ— Ноябрью
Нѣмой привѣтъ. Текучимъ водамъ—скрѣпы.
Вертлявой выюги норы и вертепы.

И на себя я въ зеркало смотрю.
Всѣ вымыслы торжественны и лѣпы
Всѣмъ пламенемъ, которымъ я горю.

9.

Всѣмъ пламенемъ, которымъ я горю
 Всѣмъ внутреннимъ негаснущимъ вулканомъ,
 Я силу правды дамъ моимъ обманамъ,
 И приведу всѣ тѣни къ алтарю.

Умывшись снѣгомъ, боль въ себѣ смирю,
 Велю мечтѣмъ стать многоликимъ станомъ,
 Надъ Золотой Ордою буду Ханомъ,
 И, приказавъ, приказъ не повторю.

Есть власть въ мечтѣ. Я это слишкомъ знаю.
 Какъ ледяной вихрь, я цѣлый міръ скую,
 Что-бъ онъ молчаньемъ славу пѣлъ мою.

И вдругъ—въ избушкѣ я, и, внемя лаю
 Моихъ собакъ, я искрюсь и пою
 Всѣмъ холодомъ, въ которомъ замерзаю.

10.

Всѣмъ холодомъ, въ которомъ замерзаю,
 Всѣмъ ужасомъ безжалостной Зимы,
 Преджизненными нежитями Тьмы,
 Что вражескую въ міръ стремили стаю,—

Той пыtkою, когда душой рыдаю,
Узнавъ, что нѣтъ исхода изъ тюрьмы,
Комкомъ, во что склеилось наше Мы,
И гробомъ, гдѣ, какъ тлѣнь, я пропадаю,—

Не дамъ себя всѣмъ этимъ побѣдить,
И въ крайній мигъ, и въ часъ мой самый жалкій,
Моя душа работница за прялкой,—

Я съ пѣніемъ кручу живую нить,
Хоть въ пражѣ радость я перемежаю
Тоской, чьимъ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю.

11.

Тоской, чьимъ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю,
Въ безбрежныхъ дняхъ Земли я освященъ.
Я голубымъ вспоилъ расцвѣтомъ ленъ,
Онъ отцвѣтеть, я въ холсть его свиваю.

Я въ бѣлизну всѣхъ милыхъ одѣваю,
Когда для милыхъ путь Земли свершенъ,
Въ расплавленный металлъ влагаю звонъ,
И въ немъ огнемъ по холоду играю.

Какъ вѣрный рабъ, неся дары Царю,
Освобождаемъ мудрою десницей,
И трудъ раба вознагражденъ сторицей,—

Я въ золото всѣ прахи претворю,
Да въ Смерти буду встрѣченъ, блѣднолицый,
Всей силой, что въ мірахъ зажгла зарю.

12.

Всей силой, что въ мірахъ зажгла зарю,
Надъ этимъ міромъ будней, топей, гатей,
Всѣмъ таинствомъ безчисленныхъ зачатій,
Жизнь шлетъ призывъ, и я съ ней говорю.

Я къ древнему склоняюсь янтарию
И чую духъ смолистой благодати,
Враговъ считаю вспыхнувшія рати,
Встаю въ рядахъ и съ братьями горю.

Что можно знать,—въ себя взглянувъ, я знаю,
Во что возможно вѣрить,—стерегу,
Чтобъ на другомъ быть свѣтломъ берегу.

Творя огонь, иду къ Святому Гаю,
И пусть себя, какъ факель, я дожду,
Клянусь опять найти дорогу къ Раю.

13.

Клянусь опять найти дорогу къ Раю,
И въ Отчій Домъ возвратъ мнѣ будетъ данъ,

Когда сполна исчерпаю обманъ,
Въ которомъ зерна правды я собираю.

И къ нищенскому если караваю
Касаюсь здѣсь,—къ предѣламъ новыхъ странъ
Я устремлю свой смѣлый караванъ,
Оазись—мой, мнѣ зацвѣтетъ онъ, знаю.

Когда я самъ себя переборю,—
Какой еще возможенъ недругъ властный.
За краемъ сновъ есть Голось полногласный.

Идетъ Тепло на смѣну Декабрю.
И пусть года терзаюсь въ пыткѣ страстной,
Мнѣ Богъ—законъ, и боль—боготворю.

14.

Мнѣ Богъ—законъ, и боль—боготворю.
Не мнѣ, не мнѣ, пока иду я тѣнью,
Здѣсь предаваться только упоению,
Но въ рабствѣ я свободный выборъ зрю.

Я былъ цвѣткомъ, я зналъ свою зарю,
Сталъ птицей я, внималъ громамъ какъ пѣнью,
Былъ днемъ въ году, псалмомъ я былъ мгновенью,
Къ земному да причтусь календарю.

А если онъ окончился,—такъ что же?
Не лучше ли горѣнья краткій часъ,
Чѣмъ бездны Тьмы? Будь милостивъ мнѣ, Боже.

Ты далъ стада мнѣ,—я ихъ зорко пасъ.
Не для того-ль, чтобъ сжечь весь плѣнь холстины,
Адамъ возникъ въ Раю, изъ красной глины.

—15.

Адамъ возникъ въ Раю—изъ красной глины.
Когда кричитъ сова и мчитъ Война,
Я знаю, что легенда намъ дана—
Какъ изъясненье красочной картины.

Цвѣты—въ снѣгахъ, цвѣты растутъ—изъ тины,
Цвѣты цвѣтутъ,—когда идетъ Весна,
И въ Осени—намъ власть цвѣсти дана,
И сказочный расцвѣтъ кристалла—льдины.

Всѣмъ пламенемъ, которымъ я горю,
Всѣмъ холодомъ, въ которомъ замерзаю,
Тоской, чьимъ снамъ ни мѣры нѣтъ, ни краю,—

Всей силой, что въ мірахъ зажгла зарю,
Клянусь опять найти дорогу къ Раю:—
Мнѣ Богъ—законъ, и боль—боготворю.

ОРДАЛИИ.

1.

Я сталъ какъ тонкій блѣдный серпъ Луны,
Въ ночи возставъ отъ пиршества печалей.
Долгъ. Долгъ. Должна. Я долженъ. Мы должны.

Но я пришелъ сюда изъ вольныхъ далей.
Ты, Сильный, въ чье лицо смотрю сейчасъ,
Пытуй меня, веди путемъ ордалій.

Въ мои глаза стремя бездонность глазъ,
Къ ордалиямъ онъ вель тропинкой сонной: —
Вѣ ы, огонь, вода, полночный часъ,

Отрава, плугъ въ отрѣзѣ раскаленный,
Сосудъ съ водой, гдѣ идолъ вымыть быть,
Змѣя, и губы, и цвѣтокъ замгленный.

Ихъ десять, страшныхъ, въ капищѣ, кадилѣ,
Ихъ десять, совершеннѣйшихъ питаній,
Узловъ, острий, ихъ десять въ жерлахъ силъ.

Вотъ, углубилось зеркало гаданій.
Ставь на вѣсы, качался я, звеня,
Быль взвѣшенъ, найденъ легче воздыханій.

Прошелъ черезъ сплетенія огня,
И, вскрикнувъ, вышелъ съ ликомъ обожженнымъ.
Въ водѣ, остывъ, забылъ о цвѣтѣ дня.

Въ полночный часъ я весь былъ запыленнымъ,
Межъ тѣмъ какъ къ Тайной Вечери я шель.
Я выпилъ ядъ, и утонулъ въ бездонномъ.

Горячимъ плугомъ, возлѣ сѣрыхъ селъ,
Вспахалъ такую пашню, что понынѣ
Тамъ только жгучій стебель росъ и цвѣлъ.

Сосудъ съ водой, гдѣ идолъ былъ, въ гордынѣ
Я опрокинулъ, влага потекла,
Семь дней пути лишь цвѣтъ цвѣтеть полыни.

Змѣя свила мнѣ тридцать три узла,
И я возникъ посмѣшищемъ дракона,
Дробя собой безъ счета зеркала.

Я губы пилъ, но я не видѣлъ лона,
Къ которому я весь приникъ, дрожа,
Отвергъ губами губы, въ вихрѣ стона.

И длинная означилась межа,
На ней цвѣтокъ былъ, царственникъ замгленный,
Коснулся, цвѣтъ его былъ шаръ ежа.

Я десять воплей издалъ изступленный,
Я десять, въ пыткѣ, разорвалъ узловъ,
И былъ одинъ, дрожащій, побѣжденный.

А въ зыбяхъ сна былъ гулъ колоколовъ.

2.

О, то былъ часъ,—о, то былъ часъ,
Когда кошмары, налегая,
Всю смѣлость выпиваютъ въ насъ,—
Но быстро опозналъ врага я.

Былъ въ вихрѣ вражыхъ голосовъ,
Но шелъ путемъ вѣдуще-тѣснымъ,
И при качаніи вѣсовъ
Былъ найденъ цѣнно-полновѣснымъ.

Какъ золотистое зерно,
Какъ самородокъ, въ прахахъ цѣльный,
Какъ многозмѣнное звено,
Что держитъ якорь корабельный.

3.

Не рыдая, дождался я огненныхъ рдяныхъ ордалий,
 Не вздыхая, смотрѣлъ, какъ горить, раздвигаясь,
 костерь,
 Самоскрѣпленный духъ—какъ клинокъ изъ отточенной
 стали,
 Человѣческой духъ въ испытаньяхъ бываетъ хитерь.
 Я припомнилъ, какъ въ дни возвѣщений, что знала
 Кассандра,
 Человѣческой токъ былъ сожженъ въ прославленье
 погонь,
 Я припомнилъ тотъ знакъ, при которомъ, горя, саламандра
 Не сгораетъ, а лишь веселитъ заплясавшей огонь.
 И взглянувъ какъ Весна, я взошеть въ задрожавшее
 пламя,
 Отступила стѣна, отступила другая стѣна,
 Черезъ огненный путь я пронесъ многоцвѣтное знамя,
 И, нетронуть огнемъ, наклонился къ криницѣ безъ
 дна.

4.

И помолясь святой водицѣ,
 Ее ничѣмъ не осквернилъ.
 Отъ благъ своихъ далъ звѣрю, птицѣ,
 Былъ осребренъ отъ звѣздныхъ силъ.

Былъ позлащенъ верховнымъ Шаромъ,
Что Солнцемъ назвалъ въ пѣснѣ я.
Предупреждающимъ пожаромъ
Я былъ въ провалахъ Бытія.

5.

Полночный часъ я весь окуталь въ тучи,
Поилъ въ ночи, для должныхъ миговъ, громъ,
Псалмы души зарнились мнѣ, пѣвучи,
И кѣлосились молніи кругомъ.

Насущный хлѣбъ отъ злой спасая чары,
Я возлюбилъ небесное гумно,
И я восполнилъ звѣздные амбары,
Имъ принеся душистое зерно.

6.

Ахъ, ядъ въ отравныхъ снахъ красивъ,
И искусился ядомъ я.
Но выпилъ ядъ, заговоривъ,
Я имъ не портилъ стебли нивъ,
Въ свой духъ отраву мысли вливъ,
Я говорилъ: Душа—моя.

О, я другихъ не отравлялъ,
Клянусь, что въ этомъ честенъ стихъ.

И можетъ быть, я робко-малъ,
Но я въ соблазнѣ ядовъ не впалъ,
Я лишь горѣлъ, перегоралъ,
Пока, свѣчой, я не затихъ.

Я съ Богомъ не вступаю въ споръ,
Я весь въ священной тишинѣ.
На полноцвѣтный ставъ коверъ,
Я кончилъ съ ядомъ разговоръ,
И не отравленъ мой уборъ,
Хоть въ перстнѣ—ядъ, и онъ—на мнѣ.

7.

Узнавъ, что въ плугѣ лезвіе огня,
Я имъ вспахалъ, для кругодневья, поле,
Колосья наклоняются, звеня,
Зернится разумъ, чувства—въ нѣжной холѣ.

Люблю, сохой разъятый, черноземъ,
Люблю я плугъ, въ отрѣзѣ раскаленный,
Съ полей домой, вдвоемъ, мы хлѣбъ несемъ,
Я и она, предъ кѣмъ я рабъ влюбленный.

8.

Сосудъ съ водой, гдѣ идолъ былъ,
Гдѣ идолъ вымыть былъ до бога,

Я освятилъ крестомъ стропиль,
Поставилъ въ глубинѣ чертога.

И онъ стоитъ, закрывъ глаза,
Въ своей красѣ необычаенъ,
Его задумала гроза,
Онъ быстрой молніей изваянъ.

9.

Жезль, мой жезль, которымъ скалы
Разверзаль я для ручья,
Брошень. Поднять. И опалы
Свѣтятъ сверху. Гдѣ змѣя?

Жезль, мой жезль, которымъ царства
Укрѣплялъ я въ бытіи,
Блещетъ. Кончены мытарства.
Силель съ жезломъ я двѣ змѣи.

10.

Румяныя губы другъ другу сказали,
Въ блаженствѣ сліявшихся усть,
Что, если цвѣты и не чужды печали,
Все-жь медь благовонень и густъ.
И если цвѣты, расцвѣтая, блистая,
Все-жь вѣдаютъ, въ веснахъ, и грусть,

Прекрасна, о, смертный, молитва святая,
Что ты прочиталъ наизусть.

Красивы нелгушія влажныя нѣги,
Цѣлуй поцѣлуй до дна,
Красивы уста и застывшія въ снѣгѣ
Сомкнутыя смертельнаго сна.

Смотри, какъ торжественно стройны и строги
Твои, перешедшіе мость,
Твои дорогіе, на Млечной Дорогѣ,
Идущіе волею звѣздъ.

11.

И если вправду царственникъ замгленный
Послѣдній есть среди цвѣтовъ цвѣтокъ,
Его шипы даютъ намъ платъ червленый,
Волшебный платъ, махни—и вотъ потокъ.

Не слезъ потокъ, а полноводье тока,
Въ которомъ всѣ, что жаждутъ безъ конца,
Придя, испьютъ, придя, вздохнуть глубоко,
И примутъ сказку водъ въ черты лица.

Забвенные, какъ голосъ грезы звонной,
Какъ лучъ въ ночи, пришедшій съ высоты,
Они возьмутъ тотъ царственникъ замгленный.
И такъ пойдутъ. Возьми его и ты.

12.

Такъ видѣлъ я, во снѣ-ли, наяву-ли,
Видѣніе, что здѣсь я записаль,
И весь, душой, я былъ въ Пасхальномъ гулѣ.

За звономъ звонъ, какъ бы взнесенный валъ,
Гудя и убѣжденно возростая,
Дивящуюся мысль куда-то мчалъ.

Какъ будто обручалась молодая
Луна съ Звѣздой въ заутрени Небесъ,
И млѣли мраки, сладко въ Солнцѣ тая.

Привѣтъ, огонь, вода, и лугъ, и лѣсъ,
Ты, капля крови, цвѣтикъ анемона,
Цвѣти, привѣтъ, я вѣрю въ путь чудесъ.

Я малый звукъ въ великихъ зыбяхъ звона.

ПОЛНОЧЬ.

Зеленое древо нездѣшняго сѣва, быть можетъ съ Венеры,
быть можетъ съ Луны,

Цвѣло, расцвѣтало, качалось, качало, и птицами пѣло, и
рѣяли сны.

Топоръ былъ веселый, жужжащія пчелы летѣли, бросая
свой улей навѣкъ.

Ударъ былъ упорный, припѣвно-повторный, и звонкую
пѣсню пропѣлъ дровосѣкъ.

Мы все это знали изъ дыма печали, изъ пѣнья и тлѣнья
пылающихъ дровъ.

Такъ будетъ и съ нами, съ горящими въ Храмѣ, такъ будетъ
съ мірами во вѣки вѣковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Навѣкъ	5
Солнцезернь	6
Часъ и домъ	9
Звѣздная пляска	11
Медь вѣковъ	16
Законъ свѣтилъ	18
Отъ Солнца къ Солнцу	19
Имена	20
Тайна	21
Канунъ	22
Наручни	23
Поющее Дерево	24
Звѣрь-Цвѣтокъ	27
Я играю берегами	28
Ларець	30
Нѣмой ураганъ	31
Вѣтви	32
Водоворотъ	33
Колдующій	34
Красота	35
Линія Природы	36

	Стр.
Молчаніе	37
Вѣрнымъ путемъ	38
Четыреликій	39
Звѣриное число	41
Отъ предѣльности	43
Сказка Мѣсяца и Солнца	44
Снѣговья руны	47
Снѣжные боги	48
Саги	50
Сага	51
Лѣтопись листьевъ	53
Прозрѣнье	56
Утро Земли	57
Въ былое время	58
Тотъ предокъ	60
Рука	61
Закатная Пирамида	62
Алый изумрудъ	63
Солнечникъ	64
Тии-Вить	65
Мигъ благовѣстія	67
Царь-Трава	69
Краса цвѣтка	70
Отраженіе	71
Садъ	72
Медъ	73
Сарасвати	74
Пѣніе	75
Индія	78
Танецъ искръ	79
Вѣнчаніе въ странѣ лотоса	80

	Стр
Деодарь	82
До рожденья	83
Сонетное теченье	84
Кольцо	85
Портретъ	86
Ключъ	87
Черезъ вѣка	88
Знаки	88
Звукъ звуковъ	91
Скиѣская лѣтопись	92
Кто кого	95
Дуга	96
Ковчегъ Завѣта	98
Ушедшій	99
Превращенія	100
Изъ вьюги	101
Стрѣла	102
Ходящая сила	103
Весеннее	104
Древостукъ	105
Весенній свѣтъ	106
На мельницѣ	107
Неизъяснимое	110
По зарямъ	111
Иная жизнь	112
Ожерелье	113
Изъ дремы	114
Отъ Солнца	115
Громовымъ свѣтомъ	116
Подъ знакомъ Луны	117
Къ Лунѣ	118

	Стр.
Подъ вѣтромъ	119
Пять	121
Греза	122
Алая вишня	123
Вдругъ	124
Ворожея	125
Лоза	126
Пересвѣтъ	127
Въ потокѣ	128
Подъ деревомъ	131
Кристалль	133
Свистъ	137
Вопль къ Вѣтру	138
Саваны	139
Несчастье	140
Золотистымъ аметистомъ	141
Въ тихомъ заливѣ	142
Вечерній вѣтеръ	143
Алыча	144
Скажите вы	145
Тамарь	146
Грузія	147
Любовь	150
Древній перстень	151
Сквозь слѣпоту	152
Верховный звукъ	153
Зовы	154
Орхидея тигриная	155
Сглазь	156
Черное зелье	158
Чернокнижје	159
Помѣстье	161

	Стр.
Предѣль	163
Изъ подземелья	164
Вихри	166
Зелья	167
Заговоръ о коняхъ	169
Бѣгъ	170
Царевичъ изъ сказки	171
Упрямецъ	174
Саморазвѣнчаный	175
Сосредоточіе	176
Два бога	177
Псаломъ Земли	178
Искры тайнъ	179
Клубокъ	180
Если хочешь	181
Сонъ	182
Плита	183
Мойры	184
Довѣріе	186
Ама nescigi	187
Отшельникъ	188
Ужь полно	189
Подвижная свѣча	190
Превозмогшая	191
Святой Боже	193
Молитва cadaго дня	195
Бѣлое вѣяніе	196
Нѣтъ мѣста тревогъ	197
Предъ зеркаломъ	198
Завѣтріе	199
Око	200

	Стр.
Преображеніе	201
Равный Ису	204
Издрєвле	209
Адамъ	212
Ордали	223
Полночь	232

ИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА.

МОСКВА. Цвѣпной бульварь, 12, телеф. 3.38-45.

ПЕТРОГРАДЪ. Суворовскій пр., 29, кв. 25.

Павель Сухотинъ. Полюнь. (Стих.). Ц. 75 коп.

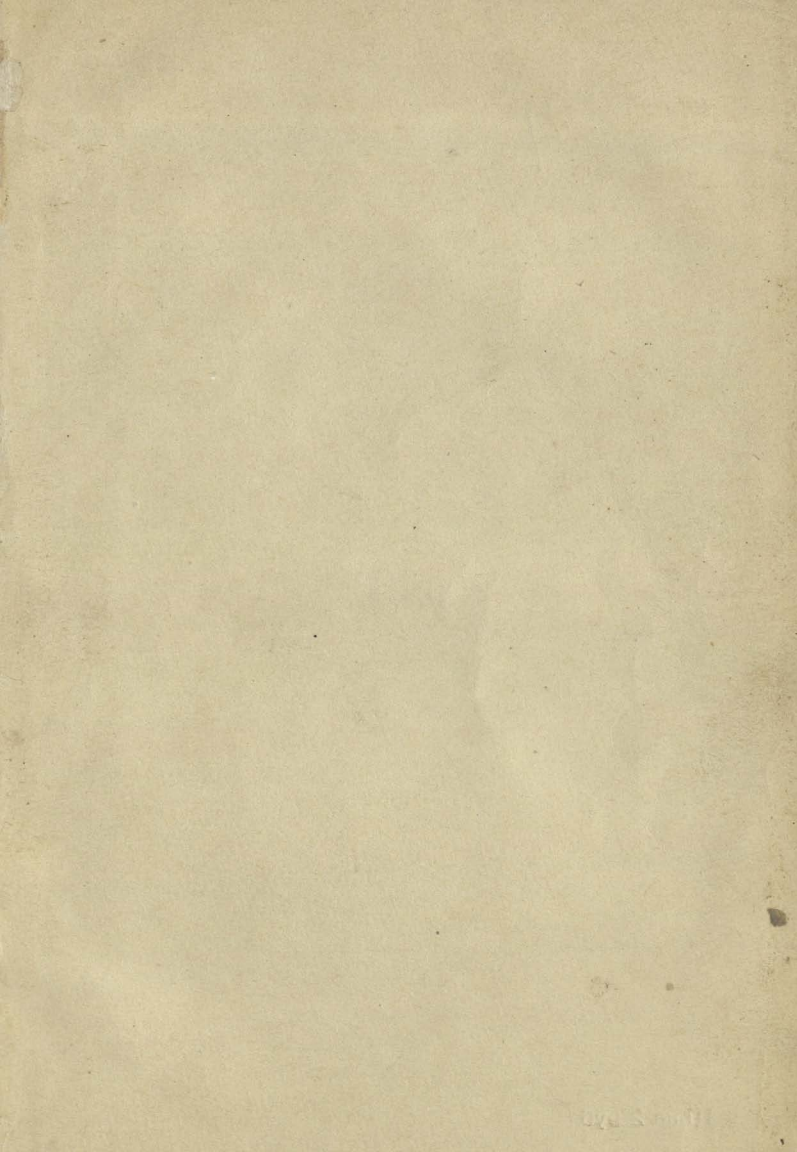
Валерій Брюсовъ. Семь цвѣтовъ радуги. (Стих.). Ц. 2 р.

Наталья Крандіевская. Стихотворенія. Ц. 75 к.

Николай Ашукинъ. Скитанія. (Стих.) Ц. 75 к.

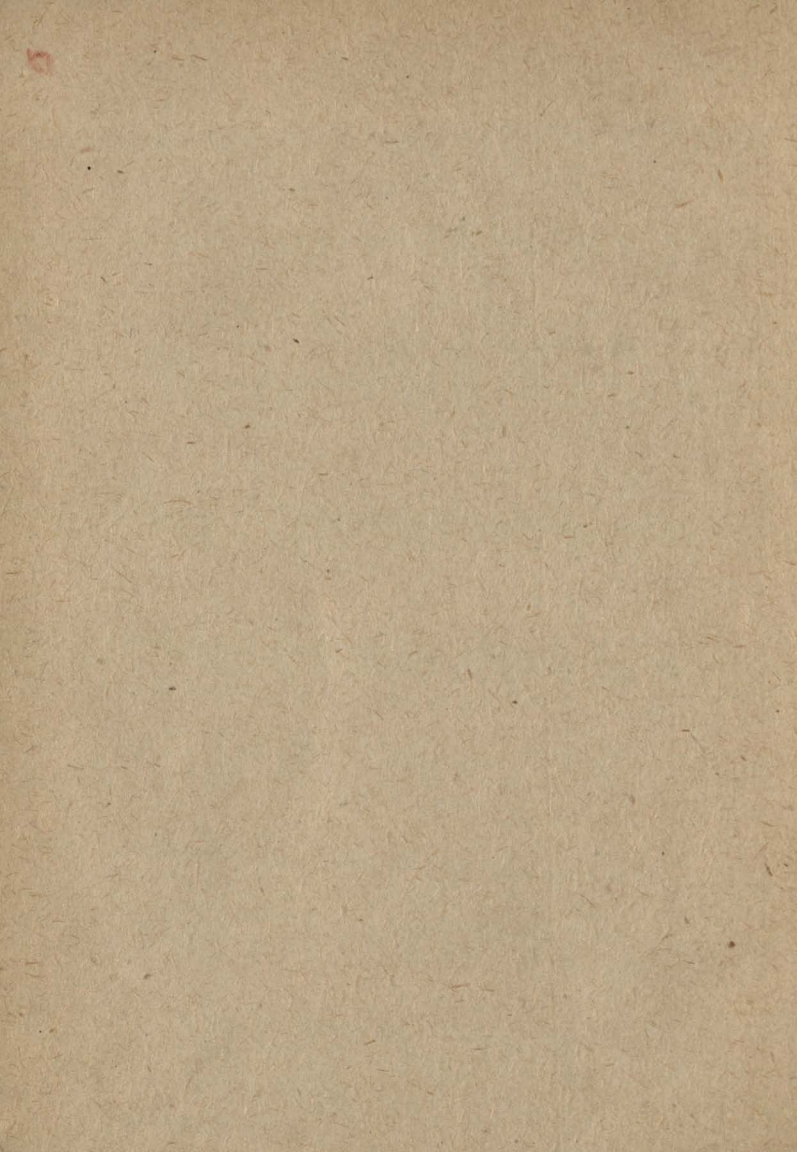
Каролина Павлова. Собраніе сочиненій. Редакція и матеріалы для біографіи К. Павловой Валерія Брюсова. Цѣна за 2 тома 5 руб.

Аполлонъ Григорьевъ. Собраніе стихотвореній. Вступительная статья и примѣчанія А. Блока. Ц. 3 руб. 50 к.

4

Цѣна 2 руб.

2012402975